ШАРАИЗ ШЕЛДОН
ТРЕТИЙ
(НЕ) ЛИШНИЙ

Из 90-х до наших дней

Шарлиз Шелдон

Третий (не) лишний

«Автор»

2023

Шелдон Ш.

Третий (не) лишний / Ш. Шелдон — «Автор», 2023 — (Из 90-х до наших дней)

Не всем везет родиться с золотой ложкой во рту. Мне вот выпала участь пройти сложный путь, начиная с раннего детства. Мать-алкоголичка, голод, детский дом, где каждый выживает, как может. Уже на этом этапе можно было сломаться и опустить руки, но мне повезло. Местный отъявленный хулиган и воришка Демьян взял меня под свою защиту. И уже в десять лет я могла филигранно обворовать любого. Не знаю, куда бы меня привела такая жизнь, но однажды на моем пути встретился Матвей. Типичный мажор и баловень судьбы, не понимающий слово «нет».Прошло время, и я не заметила, как прочно увязла в любовном треугольнике.

© Шелдон Ш., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 12
Глава 3 16
Глава 4 19
Глава 5 22
Глава 6 28
Глава 7 31
Глава 8 35
Глава 9 40
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Шарлиз Шелдон
Третий (не) лишний

Пролог

Я благодарна судьбе за то, как сложилась моя жизнь. Конечно, много времени было потрачено не на те дела и людей, много дней упущено…

В весьма маленьком возрасте мне пришлось с головой окунуться в пучину боли, предательства и равнодушия. Всех интересует только своя жизнь. Свои мелкие неудачи и кажущиеся нерешаемыми проблемы, свои заморочки дома и на работе. Где же здесь, в этом водовороте неурядиц, обратить внимание и протянуть руку помощи маленькому ребенку, медленно умирающему от голода?

Я не люблю вспоминать тот период, когда была так чертовски слаба и беспомощна. С тех пор я ненавижу холод. Он всегда навевает мне мысли о тех страшных неделях, что я скиталась по холодному бездушному городу и пыталась найти хоть крохи какой-либо еды.

Тело до сих пор помнит, каково это, когда ледяной ноябрьский ветер упорно пронизывает тебя насквозь и забирается под единственную тонкую кофту, а живот ноет от острой боли, пришедшей вслед за не проходящим голодом. И самое страшное, что до тебя нет никому дела. Все спешат по своим делам, брезгливо или стыдливо отводя взгляд от грязного тельца шестилетнего ребенка.

Сбежав из дома, где пьяная мать хотела меня продать залетным дядькам бандитского вида, я скиталась по заброшенным зданиям и подвалам. Детский разум на тот момент не понимал возможную опасность, но даже такие условия были лучше, чем оказаться купленной за бутылку паленой водки.

Какое-то время я жила среди громких вечно пищащих крыс, спала на куске картона и укрывалась найденными пакетами. В тот момент я не думала, как выбраться из сложившейся ситуации, я просто выживала, не желая возвращаться домой.

Мне было шесть лет, когда я выпрыгнула из окна нашей квартиры на первом этаже и со всех ног унеслась в неизвестность. Но в памяти еще хранились хрупкие осколки счастливых моментов, где был жив папа, где мама не превратилась в запойную алкоголичку.

Все изменилось после того, как нам пришла страшная весть. На шахте, где работал отец, случился обвал, погребя под собой всех людей. Для нас с мамой это стало точкой невозврата. Именно тогда все покатилось вниз по наклонной, и больше не было ни дня, чтобы мама не прикладывалась к бутылке. За год из добропорядочной красивой женщины она превратилась в падшее существо. В нашей квартире караваном сменялись гости, целью которых было напиться и развлечься.

Иногда я пряталась от них в шкафу. Слишком уж маслеными были взгляды в мою сторону некоторых пропойцев. И да, увы, но матери до этого не было дела. Она только кричала, чтобы я скрылась с глаз и не мешала людям отдыхать. А то, что я в этот момент готова была потерять сознание от голода, никого не волновало. И даже вспоминать не хочу какую трепку я раз получила за тайком украденную со стола банку рыбных консервов. Я ее так тогда и не отдала. Давилась слезами от боли во всем теле после порки, но ела, растягивая удовольствие на несколько дней.

Мне хочется сказать, что теперь, став взрослой, мое прошлое не имеет надо мной власти, но это не так.

После счастливого вызволения меня с улицы был следующий этап в жизни.

Детдом.

Но мне и здесь повезло выжить и стать той, кем я есть сейчас.

И пусть я не могу назвать себя безгрешным и добропорядочным человеком, однако, я счастлива и благодарна судьбе, что выплыла с того дна. Мне хватило сил оттолкнуться и сделать все возможное, чтобы сейчас смотреть из окна на теплый океан и изредка с болью в сердце вспоминать былые дни.

– Я рядом, Вероника. И я люблю тебя, – тихо прошептал мужчина за моей спиной, – Хватит вспоминать прошлое.

– Я знаю, родной. И я люблю, – обернулась и подарила ему теплую улыбку.

Мужчина с нежностью посмотрел на меня и привлек к себе, касаясь губами виска.

– Как ты догадался, о чем я думаю?

– Твои глаза становятся печальными, а на губах играет легкая улыбка, в которой полно боли. По ней я всегда понимаю, что ты думаешь о нем…

– Это не так, – я повернулась к мужчине, – Просто… сегодня десятое октября… день, когда он… он…

– Не терзай себя, Ника, – он крепче прижал меня к себе и с наслаждением вдохнул легкий аромат духов, – Пойдем прогуляемся вдоль океана?

– Хорошо.

Я бросила последний взгляд в окно, где уходящее солнце рисовало причудливые блики, и несколько раз моргнула, отгоняя кадры своей прошлой жизни.

Глава 1

Начало. 1993 год

Мои скитания по улице закончились внезапно. Еще час назад я ошивалась вдоль рыночных прилавков, пытаясь украсть хоть что-то съестное, а сейчас сижу в мрачном отделении милиции.

Толстый капитан с неприятным выражением лица что-то бурчит в мою сторону, поедая сахарный крендель, а я перед собой вижу только сдобную выпечку, источающую потрясающий аромат. Тарелка с ней стояла на столе у капитана, но тот ее ревностно отодвинул на другой край, проследив за моим взглядом. Захотелось его немедленно пнуть, схватить свой трофей и убежать отсюда.

– Так как говоришь тебя зовут? – недовольно переспросил мужчина.

– Вероника. Иванова Вероника Ивановна.

– И что же ты, Вероника Ивановна, делала на рынке? Где вообще твои родители?

– Папа умер, а мама дома наверное. Она редко выходит из квартиры. Только, когда водка кончается, но обычно к ней приходят уже с бутылкой.

Милиционер покачал головой с такой детской откровенности.

– Ну, а ты что? – задал он непонятный для меня вопрос.

– Я..? Я… кушать хочу!

Сил моих больше не было держаться и я расплакалась. Утирая слезы испачканными ладошками, только и думала о том, что меня теперь ждет. Детей же, вроде, не сажают в тюрьму? Или сажают? Я не хотела в тюрьму, но мысль о том, что там кормят три раза в день, немного примирила меня с возможным будущим.

– Это что здесь за слезоразлив?!

В дверях стоял еще один милиционер и смотрел на нас насмешливым взглядом. От него исходили волны участия и спокойствия. Он даже внешне чем-то напомнил мне папу, от чего я стала плакать еще сильнее.

– Ну-ну, ребенок, ты чего? – он присел передо мной на корточки и с недовольством посмотрел на капитана, – Задуйко, ты зачем ребенка до слез довел?

– А я что? – растерялся толстяк, – Она сказала, что есть хочет и сразу в слезы! Я то что?

– Ну так и поделился бы кренделями или что ты там жрешь! – процедил мужчина.

Через мгновение у меня на коленях стояла полная тарелка с выпечкой, и я уминала их с двух рук, не забыв сунуть по два кренделя в карманы кофты. Откуда-то появилась улыбчивая девушка в строгой форме и поставила на стол щербатую кружку со сладким чаем.

Наверное, я уже год не пила такой вкусный чай! Он казался мне вершиной вкуса. Еще через десять минут та же девушка принесла для меня тарелку с горячим куриным супом и пюре с котлетой. От еды исходил горячий пар и просто умопомрачительный аромат. Я не знала за что хвататься, поэтому чередовала. Сначала ложку супа, потом ложку пюре с котлетой и закусывала кренделем.

– Эй, ребенок, ты хотя бы жуй, а не глотай, плохо ведь станет, – улыбнулся второй милиционер.

Я пристыжено замедлилась и стала тщательно пережевывать все, что ела. Вокруг меня завертелась суета, шум рабочей обстановки. Кто-то куда-то бежал, шумели задержанные, со стопками папок перемещались служащие, но мне было все равно.

Из последних сил я затолкала в себя остатки котлеты и боролась со сном. Меня буквально вырубало на ходу. Сама не заметила, как ложка выскользнула из разжавшейся ладошки и с шумом упала на пол. В тот миг я уже клевала носом, и кто-то подхватил меня на руки, унося в тишину отдельного кабинета.

Даже во сне я понимала, что сегодняшний день круто поменяет всю мою жизнь. И от этого было тревожно.

Мне не удалось поспать долго, но проснувшись от громких разговоров за дверью, я навострила ушки.

– Девочка теперь круглая сирота, – произнес незнакомый голос, – По месту их проживания неделю назад была найдена убитой ее мать.

– Как так?

– Зарезал любовник по пьяной лавочке. Повязали его через несколько дней, и сидит у нас пока в пятой камере.

– Вот же, – растерянно пробормотал кто-то в ответ, – И куда девчонку теперь?

– Куда же еще… в детский дом.

* * *

В медицинском кабинете детского интерната беспощадно пахло старыми бинтами, плесенью, покрывавшей большинство местных стен, и дешевыми резкими духами от двух женщин. Одна из них, не поднимая головы, заполняла личное дело кого-то из детей, а вторая осматривала меня, прикладывая к груди холодный фонендоскоп.

Ее беспокойный взгляд серых глаз с жалостью скользил по моим выпирающим ребрам и впалому животу. Я же с настороженностью смотрела на нее в ответ.

Мне не нравилось это место, куда привезли меня милиционеры. Еще на улице, при входе, в глаза бросилась разруха и серость интерната. Покосившийся металлический забор, щербатое кирпичное здание, требовавшее ремонта. По двору бегали такие же дети-оборванцы, как и я. Здесь все кричало о бедности и убогости заведения.

– Ты, главное, не тушуйся, – напутствовал тот дяденька из милиции, напомнивший мне папу, – Тут живут такие же ребята, лишившиеся родителей. Я уверен, что ты заведешь себе друзей, и все у тебя будет в шоколаде. Ну, чего нос повесила?

– Мне здесь не нравится, – я крепче сжала его руку и помотала головой, не желая заходить внутрь, – А вы можете меня не отдавать им?

– А как же ты будешь жить? – мужчина, которого звали Сергей Александрович, присел передо мной на корточки.

– Я могу жить с вами! – обрадовала его, – Мама научила меня прибирать по дому, стирать. Я даже суп умею варить, только нужно, чтобы продукты были дома. Или… ведь моя мама умерла?

Тот кивнул, подтверждая и ожидая череду новой истерики.

– Значит, я могу вернуться в нашу квартиру и жить там одна. Что мне здесь делать?

– Но дети не могут жить одни до восемнадцати лет, Вероника. Тебе нужны будут деньги для оплаты коммунальных услуг, на продукты, – он покачал головой, – Поверь, здесь не так плохо, как могло показаться с первого взгляда.

– Не хочу, – нижняя губа предательски задрожала, и я обиженно отвернулась от мужчины. Не хотелось, чтобы он снова видел мои слезы. Еще подумает, что я плакса.

– Я буду навещать тебя, девочка, – пообещал Сергей Александрович, – Принесу тебе кулек конфет и яблок. Ты любишь яблоки?

Подумав, я кивнула.

– Ну вот, – улыбнулся он, – Жди меня через неделю. Прогуляемся с тобой по детской площадке, и ты мне расскажешь, как устроилась, никто ли не обижает. А если найдутся такие глупцы, то смело говори, что у тебя друг работает в милиции и надерет им уши, уяснила?

– Ага.

– Ну, тогда пойдем.

И вот сейчас я уже проходила медицинский осмотр, после которого мне покажут, где мне придется жить до совершеннолетия.

Состоявшаяся встреча с местной директрисой не произвела на меня положительного впечатления. Дама источала перед строгим Сергеем Александровичем сладкие улыбки, а на меня бросала оценивающие и даже прощупывающие взгляды. Под ними хотелось съежиться или спрятаться за широкой спиной капитана.

– Аллергия на что-нибудь есть? – вывела меня из задумчивости медсестра.

– Не знаю, вроде бы, нет.

– Хорошо, – кивнула та, – Вероника, мы с тобой закончили. Подожди в коридоре, за тобой придет Наталья Борисовна – наша нянечка и отведет тебя к твоей кровати.

– Воспитатель, – строго поправила женщину вторая медсестра.

– Да, Наталья Борисовна – воспитатель, – улыбнулась та, – Скоро будет обед, и она тебе все расскажет и покажет.

– Хорошо, – вздохнула я и с трудом сдержала новый поток слез.

Мне было абсолютно понятно, что жизнь здесь не будет легкой и безбедной. Вся моя детская чуйка кричала о том, что я попала в еще худшие условия, чем были дома. Хотя это с какой стороны посмотреть.

– Ты любишь пряники? – еще раз улыбнувшись, спросила медсестричка.

– Люблю. Мама когда-то покупала их, и мне нравились.

Женщина потянулась к своей облезшей потрепанной сумке и выудила на свет настоящий тульский пряник в коричневой бумаге. При виде лакомства в сахарной глазури у меня увеличилось слюноотделение. Наверное, это на подсознательном уровне, ведь по факту я не была сейчас голодной, но мне до чесучки в руках хотелось надкусить сладость и припрятать ее на «черный день».

– Держи. Но не ешь сейчас весь пряник, а то перебьешь себе аппетит и не станешь обедать супом.

– Стану, – важно пообещала я и схватила лакомство, – Спасибо!

– Тебе так никакой зарплаты не будет хватать, если станешь подкармливать каждого голодранца, – недовольно поморщилась вторая медсестра. Она с неодобрением смотрела на свою коллегу и подаренный ею пряник, – И так платят копейки, а ты еще раздариваешь деликатесы направо и налево. Неудивительно, что твой муж на тебя вечно орет и грозится уйти к Катьке. Думать же надо!

– От одного пряника я не обеднею, Ольга, а ребенку хоть какая-то радость, – холодно ответила женщина, – Посмотри на нее – кожа да кости! Все, Вероника, шагай в коридор и жди Наталью Борисовну.

Я спрыгнула с кушетки и вышла за дверь. Сладкий трофей приятно грел держащую его руку и душу, в отличии от грязных светло-серых стен коридора. Облупившаяся штукатурка, отвалившиеся пласты краски и деревянный пол, выкрашенный в коричневый цвет. Так можно было описать весь интерьер всего здания.

Единственное, что мне понравилось, это – низенькие широкие подоконники, нависающие прямо над чугунной батареей. Взобравшись на один из них, выглянула во двор.

Старая почти доломанная детская площадка с несколькими каруселями, грязь, перемешанная с подтаявшим снегом, и голые мрачные деревья. Посреди этой «красоты» бегали полуодетые дети примерно моего возраста. Ребята постарше собрались группками у забора и кирпичной стены. Чем они там занимались, мне не было видно, но я точно не горела желанием хоть с кем-нибудь из них знакомиться. Возможно, я просто боялась их?

Жизнь на улице показала мне, какими жестокими и злыми могут быть мои сверстники. Не один раз компания вот таких беспризорников грубо выгоняла меня взашей из облюбованного теплого подвала, где не было крыс. Мои наивные предложения дружить всегда были жестоко осмеяны самыми нахальными мальчишками.

Поэтому сейчас я с опаской ожидала, когда мне придется знакомиться с местными детьми. Было боязно, что не смогу дать отпор или, что придется драться за свое место под здешним колючим солнцем.

Маленький откушенный кусочек пряника немного отвлек меня от грустных мыслей, но тут же пробегавший мимо мальчишка, как раз из тех, что играл во дворе, запнулся, пробегая мимо по коридору, и посмотрел в мою сторону. Наверное, его что-то задело, и он заметно рассердился. Свои эмоции, не придумав ничего лучше, мальчик решил сразу выместить на том, кто оказался рядом. На мне.

– Эй ты! Чего тут расселась?

На вид ему было лет семь или восемь. Худенький, в тощей куртейке на рыбьем меху, и мужских ботинках, которые были ему заметно велики. Неудивительно, что споткнулся и упал. Растрепанные рыжие волосы стояли торчком, а грязный нос постоянно утирался рукавом пятнистой куртки. И только маленькие глазки смотрели на меня со злобой.

– Где хочу, там и сижу. Тебе то что?

– А ты чего мне хамишь, малявка? – тут же завелся он и весь нахохлился, показывая свою решимость.

– Сам ты малявка, а я здесь новенькая.

– Новенькая? – протянул он, – Так, значит, ты еще не знаешь местных непреложных правил?

– Каких-каких правил?

– Непреложных!

– Не знаю, что это значит, – дернула плечом, – И вообще, что ты ко мне пристал? Беги, куда бежал, а я воспитательницу жду.

Мальчик прищурил глаза и всем видом показывал, как ему не понравились мои слова.

– А ну, слезай с подоконника. Буду учить тебя нашим правилам! И первое из них – левой жрачкой всегда нужно делиться со старшими. Вот ты пряник хомячишь, отдавай половину!

Он даже подпрыгнул от нетерпения вплотную ко мне и протянул свою испачканную конечность за сладостью. За что тут же получил по ней ощутимый шлепок. Я не собиралась делиться, когда меня так нагло разводят.

– Ах ты, мелюзга противная, – заверещал он.

И как по команде на его крик из-за поворота вылетела ватага мальчишек. Увидев нас, они замерли, но уже через мгновение присоединились к своему дружку и громко выкрикивали тому слова поддержки. Все банально сводилось к тому, что меня следовало проучить «за неуважение» и «жадность».

Я и опомниться не успела, как рыжий стянул меня за ноги с подоконника и уселся сверху, дергая за волосы.

– Надо было сразу делиться, козявка! – победно ухмыльнулся он, откусывая от моего пряника.

Его друзья улюлюкали и смеялись надо мной, выкрикивая обидные шуточки. А мне хотелось расплакаться. Не успела еще даже оформиться в детдоме, как уже завела себе врагов. Ну как это возможно?

Изловчившись, я тоже умудрилась пнуть обидчика, попасть кулаком ему по носу и укусить за ухо так, что у него аж кровь пошла. Забыв, что я девчонка, я дралась так отчаянно, как не могла себе представить.

Клубок из наших тел катался по полу, периодически врезаясь в ноги толпы. Теперь группа поддержки разделилась, и кто-то откровенно поддерживал меня, а кто-то оставался верен своему другу.

К тому моменту у меня уже была разбита губа, саднила щека, и кофта свисала лоскутками с плеча.

Все прекратилось внезапно. Просто кто-то из подошедших ребят резко оттащил от меня рыжего и сам как следует ему вмазал по наглой физиономии.

– Еще раз полезешь к девчонке, и я тебя отделаю так, что мама родная не узнает. Ты меня понял? – прорычал незнакомый долговязый мальчишка.

– А тебе до нее какое дело? – жалобно пропищал рыжий, вытирая кровь с уха, – Она вообще тут новенькая. Надо было научить ее нашим правилам! Вот я и объяснил ей…

– Объяснил? – ухмыльнулся защитник, – По-моему, это она тебе пару раз «объяснила» и чуть не откусила ухо. Ты теперь будешь, как Ван Гог, с одним ухом.

Толпа насмешливо заулюлюкала. Чувствую, новая кличка теперь надолго привяжется к рыжему (забегая вперед, так оно и оказалось).

– Вечно тебе больше всех надо, – заныл нападавший, – Чего пристал, дел других больше нет что ли? Шел бы ты, Демьян, на…

– Заткнись, пока я твое ухо совсем не оторвал, – ласково перебил мальчишка, – Пшшел отсюда. И вы все расходитесь, нечего тут стоять, разинув рты.

Ребятня обижено загудела, но спорить не стала. Полминуты и в коридоре уже никого не было, только две головы медсестричек опасливо выглядывали из-за двери кабинета. Демьян бросил на них презрительный взгляд, в котором читалось все, что он о них думал, и повернулся ко мне.

Я как раз пыталась встать с колен. Было очень больно, обидно и жалко себя. Новая одежда, которую мне пожертвовали в отделении милиции, пришла в негодность, серые трикотажные колготы оказались порваны, а от туфелек отлетел бантик. Да еще и длинные волосы растрепались. С косичек, в которые они были заплетены, рыжий сорвал резинки, и сейчас копна волос вьющимся водопадом легла на спину и плечи.

У меня были очень длинные густые волосы, ниже попы. Цвета расплавленного золота. Так любила когда-то мама говорить.

Мальчик, все еще стоявший передо мной, на секунды замешкался, провожая взглядом каждую прядку, но после очнулся и протянул мне руку.

– Встать можешь? Давай осторожнее.

– Вроде могу, – прихрамывая на правую ногу, прокряхтела я, – Спасибо, что помог!

– Да не за что, – отмахнулся он, – Меня, кстати, Демьяном зовут.

Мальчик был симпатичным. Черноволосый, голубоглазый. Нескладная вытянувшаяся фигура и висящие мешком на нем вещи. Видно, что с чужого плеча.

Он пытливо смотрел на меня и не убирал свою руку, помогая дойти до подоконника.

– А меня зовут Вероника, – наконец, представилась, – И да, я здесь новенькая.

– Да я уже понял, – залихватски усмехнулся он, – Новенькая, а такая буйная, что отдубасила Ван Гога.

– Ему идет эта кличка, – серьезно кивнула я, – А отдубасила за дело!

– Погонялово, если на нашем сленге. Не кличка, – поправил Демьян.

Немного подумав, я кивнула:

– Да, такое слово я слышала, пока сидела в отделении милиции.

– Да ладно? – восхитился он, – А за что тебя повязали? Расскажи. И знаешь, давай переместимся в столовую. Обед уже начался, а здесь нельзя щелкать клювом, иначе будешь ходить голодный.

Я серьезно на него посмотрела, сделала кое-какие выводы и согласно кивнула:

– Веди.

Мне понравился Демьян. Чувствовалось, что он здесь всех и все знает и сможет помочь мне обжиться в новом незнакомом месте. Кто знает, вдруг, сегодня я обрела настоящего друга? Вместе же всегда легче.

Глава 2

Жизнь в детдоме оказалась ужасной.

Настолько, что в первый месяц я дважды сбегала оттуда и направлялась куда глаза глядели, лишь бы подальше от двухэтажного серого здания. Я слонялась по улицам с котомкой, набитой нехитрым комплектом вещей и воровала в магазинах еду, стараясь делать это так, чтобы меня не заметили и снова не поймали за руку, как тогда на рынке.

В первый свой побег проблему с жильем я решила очень просто – вернулась в родительскую квартиру. Ключей у меня не было, поэтому под покровом ночи пришлось натаскать под окно на первом этаже несколько ящиков и с горем пополам влезать через открытую форточку. Свалившись кубарем вниз, я поморщилась. Запашок стоял тот еще.

Здесь и я провела два дня, просидев в своей комнате и разглядывая наши фотоальбомы. Их было два, еще со времен, когда папа любил снимать на камеру каждое значимое событие.

Несколько особо любимых фотографий я вытащила из альбома и спрятала в свой рюкзак, позаимствованный в кладовке отца. Возможно, тогда я чувствовала, что за мной придут. Так и оказалось. Скоро на пороге стояли уже знакомый мне Сергей Александрович из милиции и директор детского приюта Жанна Алексеевна.

– Я же говорил, что эта кнопка попытается вернуться в родительский дом, – с облегчением на лице улыбнулся капитан.

– Да, так многие из детворы поступают, у кого остался дом, – сухо подтвердила женщина, – Вероника, ты понимаешь, что из-за твоего побега в тюрьму могут сесть абсолютно невиновные люди? Мол, не досмотрели и ребенок удрал. А если бы с тобой что-нибудь случилось и ты погибла? Для шестилетней девочки ты очень не осмотрительно себя ведешь!

– Я не хочу возвращаться туда, – мой взгляд исподлобья совсем их не пронял, скорее даже разозлил.

– Вероника, к сожалению, так сложились обстоятельства, что ты должна жить в нашем учреждении до своих восемнадцати лет. Я в этой жизни тоже много чего не хочу, но не сбегаю никуда, доведя воспитательницу и меня, в том числе, до предобморочного состояния, – резко возразила Жанна Алексеевна.

– Кнопка, у нас же был с тобой уговор, – расстроенно протянул капитан, – А ты так меня и не дождалась.

– Собирайся, Вероника. По возвращению в наш дом ты будешь наказана. Ничего серьезного, – тут же отреагировала директор на вскинувшегося Сергея Александровича, – Поработает несколько часов в день на кухне. Посудомойщица как раз жаловалась, что помощница на неделю укатила домой, а одна она не справляется.

Стоит ли говорить, что через две недели после возвращения в приют я снова убежала?

На этот раз решила не соваться в родительскую квартиру, а вообще уехать из нашего уральского городка. Но это путешествие продлилось еще меньше. На следующий день моя одинокая фигура на остановке вокзала привлекла внимание двух стражей. И в приюте я оказалась уже к ужину.

Демьян с этого лишь посмеялся, ведь получилось все именно так, как он и говорил. Обидно!

– Не понимаю я, что тебе не нравится? – возмущался мальчик, – Крыша над головой есть, кормят более менее съедобно. В остальном же свобода! Здесь всем на нас плевать! Отучился с утра на нескольких уроках и гуляй, как ветер. Мы вот с пацанами умудряемся даже деньги зарабатывать днем. Главное к ужину возвращаться, чтобы воспитательница Наталья Борисовна не подняла кипиш, а после ужина снова сбегай хоть на все четыре стороны. Никто ведь не проверяет по ночам наши кровати.

– Тебе легко говорить! – плакала я, – Ты здесь с трех лет и уже привык. А меня здесь все шпыняют, потому что я новенькая.

Это действительно было так. Ежедневно мне приходилось отстаивать для себя возможность съесть полученную еду в столовой, отбиваться от девчонок соседок, которые были старше меня на один-два года и которым я с первого взгляда не понравилась. Терпеть издевки от злых мальчишек, которым было все равно на кого нападать и злословить – лишь бы задеть больнее. И помимо всего этого я умудрялась почти каждый день схлопотать новое наказание от воспитательницы или Жанны Алексеевны. Они как специально делали вид, будто я одна виновата в очередной потасовке. Хотя, честное слово, я ни разу не начинала первой ни одну драку!

– Правильно, они проверяют тебя, – воскликнул Демьян.

– В чем?!

– В том, насколько тебя можно прогнуть и сесть на шею. Будешь ли ты отдавать им свою порцию компота, котлеты, булки. Станешь ли ты за девочками из твоей комнаты застилать постель.

– Но я не хочу всего этого делать! И пока получается, что я только чуть ли не каждый день дерусь с очередной задирой. Мне это все не нравится и я хочу домой, – еще горше заплакала я.

– Ты уже дома, Ника! – жестко произнес Демьян, – Нравится тебе или нет, но это так. Теперь здесь твой дом и только от тебя зависит, как ты проживешь оставшиеся двенадцать лет до выпуска. Как бы это смешно ни звучало, но после того, как ты поколотила Ван Гога у тебя уже есть определенный авторитет среди наших. А твои девчонки из комнаты, зная это, пытаются намеренно тебя прогнуть под себя, чтобы не была лучше их. Плюс ты дружишь со мной, а это тоже добавляет тебе веса. Они просто завидуют. Так поставь их на место, прогни под себя и живи спокойно. Если хочешь, я помогу тебе.

– А взамен что?

Прожив несколько недель в детдоме, я растеряла всю свою наивность и знала, что здесь никто и ничего не делает друг другу просто так.

– Взамен? Да ничего, – пожал плечами Демьян, – Захочешь, можешь вступить к нам в группу, и вместе будем зарабатывать деньги. Много, конечно, не получишь – большую часть себе старшие забирают, но на конфеты и бантики всякие хватит.

– Не нужны мне никакие бантики, – нахохлилась я.

– А зря, – вдруг улыбнулся мальчишка, – У тебя красивые волосы, ни у кого таких не видел. Пожалуй, я сам подарю тебе большой бант. Хочешь красный? Или голубой?

– Раз сам решил подарить, то сам и решай какого цвета, – буркнула в ответ.

В тот момент я всерьез думала о словах Демьяна на счет того, что теперь это мой дом. Ко мне далеко не сразу пришло это понимание…

* * *

Бант мне Демьян все-таки подарил. Атласная небесно-голубая ткань приятно обхватывала волосы и служила предметом зависти всех девчонок. Они завистливо косили взглядом, что-то шипели вслед, а некоторые даже пытались его выменять, предлагая мне разную ерунду. Среди предлагаемых трофеев были и остатки губной помады, украденной у воспитательницы, и небольшое зеркальце с мультяшным героем на крышке.

Но я ни за что на свете не отдала бы свой бант. Он теперь был дорог мне, как подарок от непрерывно смущающегося мальчика. От Демьяна.

После того, не побоюсь назвать его судьбоносным, разговора что-то неуловимо поменялось во мне и в нашем общении с другом.

Я стала меняться, вливаться в реальность и принимать выпавшие на мою долю условия. Мне нужно было выпустить коготки, чтобы выцарапать себе место среди этих ребят. Стать одной из них, чтобы перестать быть изгоем, на которого без зазрения совести каждый норовит плюнуть или обидеть.

Было сложно, тяжело и больно. Морально, а порой и физически. Домашней воспитанной в любви и ласке (за исключением последнего года) девочке, которой я себя считала, пришлось давать отпор и завоевывать уважение по сути хулиганов, сорванцов и маленьких змеюк.

С поддержкой Демьяна я быстро научилась ставить других на место, не бояться, ругаться плохими словами и решительно, без промедления, бить прямо в нос.

Если бы был жив мой папа, он не поверил своим глазам, увидев дочь спустя несколько месяцев жизни в приюте. Драная, порой откровенно грязная одежда, взгляд исподлобья на каждого, кто не входит в круг так называемых «близких».

В какой-то момент я поняла, что теряю себя. Становлюсь дикаркой, для которой ничего не значат слезы обидчиков, которой плевать достанется ли еда младшим в приюте – главное взять себе столько, чтобы хватило. Я могла с легкостью оговорить любого ради своей выгоды.

И когда я это поняла, мне стало страшно. Ведь, по сути, мне было все равно. Ну стала и стала. Зато больше никто не будет лезть ко мне, никто не ударит больно исподтишка.

К тому моменту я уже имела определенную репутацию и большинство ребят, даже старшие, предпочитали обходить меня стороной. Даже воспитательница и местный персонал закатывали глаза при упоминании моего имени. Они до сих пор еще помнили, как всем обитателям приюта пришлось отмывать столовую после «маленькой» забастовки воспитанников. Стихийно организованной с моей подачи.

А что? Мы целую неделю питались одними лишь склизкими макаронами. Без всего. Только макароны и несладкий едва заваренный чай. В то время, как Жигули Жанны Алексеевны каждый вечер нагружались до отказа разными разносолами, которые привозили для детдома. Там была и сгущенка, и конфеты, сосиски с мясом, и даже виноград!

– Да она всегда самые вкусности увозит к себе домой, – объяснил Демьян, – Вовка говорил, что видел, как ночью наш сторож помогал ей складывать в машину пожертвованные игрушки. Там были прикольные зайцы, тетрисы и прочая лабуда. А через пару дней эти же игрушки уже продавались на рынке в лавке Ахмета. Тут так часто бывает. Что хорошее – персонал всегда себе захапает, а нам – шиш без масла.

Говоря это, Демьян засовывал в мои карманы настоящие шоколадные конфеты. Немного смущаясь, он пояснял:

– У меня было немного денег. Решил вот тебе купить. Ты же любишь сладкое, а я такое не ем.

Все чаще я стала проводить время вместе с ним. Даже пожаловалась мальчику, что стала слишком злой и боюсь этого. Ведь раньше я не была такой противной. Но здесь нельзя было расслабляться и давать себе слабину. Сожрут и не подавятся.

Демьян на мои переживания лишь весело расхохотался.

– Ты и злая? Не верю!

– Но это так.

– Ника, я знаю тебя лучше, чем кто-либо другой здесь, и честно говорю, что ты не злая. Теперь ты умеешь за себя постоять, не дать себя в обиду. Это не считается, что ты злая. Для меня ты очень хорошая! – воскликнул мальчишка.

– Да? А так? – разозлившись, что он надо мной смеется, толкнула его локтем под ребра и довольно улыбнулась, услышав сдавленное кряхтение.

– И так тоже. Все равно хорошая, – симулируя скорую смерть, простонал этот свинтус.

– Да ты в меня влюбился, раз я для тебя по всякому хороша!

– Еще чего, – надулся Демьян, – Только девчонке могла придти в голову такая дурь! Ты мне как друг. Из тебя получился бы отличный пацан. Давай лучше после обеда сбегаем прогуляемся? Покажу тебе наши хлебные места.

– Что еще за хлебные места? – прищурилась я.

Демьян немного смутился и покраснел, не зная стоит ли говорить мне правду.

– Ну… мы там с ребятами иногда пасемся, когда хотим подработать.

– А какую работу вы выполняете?

– Мм…нууу… да всякую, чего пристала! Сама увидишь, если хочешь.

И я захотела. Давно было пора вливаться в команду Демьяна. Мне хотелось иметь на кармане свободные деньги и не быть зависимой от детдома. Где-то в глубине души теплилась надежда, что к своим восемнадцати годам, получится накопить приличную сумму и безбедно жить хоть несколько лет. Объездить мир, увидеть другие страны, океан.

Тем более, многие девочки старшего возраста открыто подрабатывали, складывали честно заработанные купюры в свои тайнички и строили далеко идущие планы. Правда, все они крутились вокруг крутых шмоток, косметики с духами и прочей ерунды.

А еще я до сих пор не понимала, что же это у них за работа такая, что ближе к вечеру они сообща наряжались, рисовали у себя на лицах боевой раскрас индейцев и, гордо задрав нос, уходили в ночь.

Глава 3

В нашем детдоме проживало около сотни детей разного возраста. С одной стороны это было не много, а с другой – стоило учитывать, что за каждым ребенком стоит своя трагическая история и поломанная судьба. Да и городишко наш был маленьким. Население всего двадцать тысяч человек, из которых большая часть – оставшиеся доживать свой век старики. Вся молодежь стремилась уехать на заработки в Столицу.

В приюте из персонала работало тоже немного людей. Директор Жанна Алексеевна, сторож Мих Мих (он же Михаил Михайлович), воспитатель Наталья Борисовна, две медсестры, одна из которых была родственницей директрисы и появлялась на рабочем месте только в день зарплаты. Были еще два учителя, приходящих на пару часов, повар и разнорабочий. Здесь платили так мало, что почти всем, кроме Жанны Алексеевны, приходилось работать еще на двух работах, чтобы прокормить семью.

Из-за этого большую часть времени мы болтались без дела.

На нас было откровенно наплевать приходящим учителям, воспитательнице, директрисе. Мне повезло, что к моменту, когда я попала в приют, я уже умела читать и считать, иначе еще долго бы не смогла овладеть столь нужными знаниями, т.к. уроки здесь проводились по принципу «не понял – твои проблемы».

Скоро Демьян отвел меня на одну из их «точек», где крутились наши детдомовские ребята. Это была заправка, единственная при выезде из города. По договоренности с владельцем старшие ребята, кому было по шестнадцать-семнадцать лет, работали заправщиками. Это было очень престижно и выгодно, потому что иногда перепадали чаевые, и в целом сумма за день могла доходить аж до тысячи рублей! А такие мелкие дети, как мы, драили замызганной тряпкой фары, протирали губкой на длинной палке лобовые стекла и радовались, когда нам в ладошки ссыпали мелочь из монеток.

В свой первый день такой работы я устала, как раб на чайных плантациях. С непривычки мышцы рук ныли от тщательного и интенсивного «протирания», а вся одежда оказалась к концу дня испачканной. Да и «выручка» оказалась смешной – всего рублей сто пятьдесят скопилось. Из них мне перепал мятый порванный полтинник, который Жора (один из старших ребят) с жадностью выделил «на конфеты». Демьян за этот же день получил свою долю – целую сотку.

Вся остальная сумма от наших заработков ушла на таинственный «общак».

Когда мы шли домой вдоль трассы, Демьян рассказал, что общак – это общий котел, куда все ребята скидывают часть своих заработанных денег.

– И зачем это делается? – мрачно спросила я, – Какой смысл тогда вообще работать, если нам перепадают крохи?

– Ника, ты не понимаешь! – жарко возразил Демьян, – Вот ты сегодня внесла деньги в общак и, если будешь с нами, то сможешь тоже им пользоваться. Вот понадобятся тебе на зиму сапоги или теплая куртка, а Жанна Алексеевна разведет руками, мол нету у нее – никто не жертвовал, а денег и подавно нет, то Натаха возьмет из общака и купит тебе.

– Натаха?

– Девушка Жоры. Она по хозяйственной части у нас. Малышам и нам покупает книжки всякие, балует сладким, фруктами. Смотрит кому что из одежды нужно. Иногда лекарства разные покупает.

– У нас же есть медкабинет! – возмутилась я.

– Ага, а в нем только йод с зеленкой, да бинты с анальгином, – скривился Демьян, – Юрчик год назад чуть не умер от бронхита, так наши две клуши медсестры лишь руками разводили, а Натаха вылечила его. Жаль, что в следующем году ей и Жорику уже восемнадцать

стукнет и они уйдут отсюда. На их место встанет Владик с Ленкой. Вот уж наплачемся. Эти то жмоты редкостные.

– На их место? Что это значит?

– Ну держатели общака, – пояснил мальчик, – Ленка будет, как Натаха, присматривать за мелкими, чтобы у них было все необходимое, а Влад станет курировать наши работающие группы.

– А чем еще зарабатывают детдомовские?

– Тут все зависит от возраста, – задумался Демьян, – Если такие, как мы, то выбор невелик. На заправке фары протирать можно.

– А еще?

– Кто считать умеет, садятся за воротами рынка и продают кой-чего, что старшие умудрились своровать. Кто-то ходит собирает бутылки с банками, но там по деньгам невыгодно, поэтому на это дело отряжают тех, кто еще младше нас с тобой.

– Мда… ну, а те, кто старше?

– О, ну тут выбор большой. Можно на рынке грузчиком работать или подменять продавцов. Наших там уже в лицо знают и доверяют. Можно в автосервисах ремеслу учиться, там для нас тоже хватает работы. Дядь Николай – владелец к нам хорошо относится, сам приютский. Кто-то из ребят ходит по домам частным и спрашивает есть ли какая работа. Часто людям требуется дров нарубить, помочь сарай сколотить, воды натаскать от колонки. Ну и есть отдельная привилегированная каста.

– Какая?

– Добытчики и сбытчики. На них весь общак и держится, – важно и с неким трепетом проговорил мальчишка.

– Не поняла. Это кто такие? – пожала плечами.

– Воры. Щипачи. Карманники и не только. У наших есть несколько любимых мест: рынок, главная площадь, автобусный маршрут. Еще парковка перед рынком, где лохи часто оставляют тачку открытой, пока ходят за картошкой.

– А сбытчики? – уже догадываясь, что мне скажет Демьян, уточнила.

– Те, кто пристраивают украденное. Все просто.

– И что, неужели еще никого не ловили за руку?

– Ловили, конечно. Но что с детей взять? – как-то невесело хохотнул Демьян, – Потрепали на месте, подергали за уши, да отпустили. Ну иногда тащат к Жанне Алексеевне, так та запрет на месяц в лазарете или в подвале. Там есть особая комнатушка для провинившихся.

– Да уж.., – протянула я, – А ты сам где работаешь? Мойщиком фар?

– Пока да, но через месяц мне стукнет восемь лет и Жора обещал перевести меня на обучение к щипачам, – с гордостью ответил Демьян, – Я уже пару раз работал с ними. Стоял на стрёме или отвлекал. Мне понравилось. Представляешь, за один день получил четыре сотни!

– И что вы крали?

– Да ерунду, магнитолу из тачки подрезали и пару бумажников у лохов стырили.

– Слушай, не думаю, что мне все это подходит. Я бы не хотела больше мыть фары, – с тоской выдохнула, – Пачкотни больше, чем заработка. Посмотри на меня, я как хрюшка.

– Это точно, – фыркнул мальчик, оглядывая меня с макушки до пяток, – Тебе такая работа не подходит. Да и не понравилось мне, как на тебя смотрели сегодня некоторые мужики! Словно ты уже взрослая. Такие и увезти без спросу могут.

– Да брось, – рассмеялась я, – Мне всего шесть лет, как они могут на меня смотреть, будто я уже взрослая.

– Ага, – нахмурился Демьян, – Ты просто не знаешь, какие бывают козлы! Наши девки порой такого расскажут, что с ними дальнобойщики делают, так волосы дыбом встают.

– А что они с ними делают? И зачем наши девочки катаются с дальнобойщиками?! – с любопытством вылупилась.

– Рано тебе еще знать, – не по годам сурово отрезал Демьян, – Тебя эта грязь не должна коснуться. Уж я постараюсь. И вообще, мороженное хочешь?

– Конечно хочу!

Глава 4

Свое первое «дело» в группе воришек я помнила очень хорошо. Еще бы, мне тогда знатно всыпали и наподдали по ушам! Глупо попалась, когда, не послушав Демьяна, решила, что уже достаточно ловкая и умелая – сунулась рукой в карман мужчины, которого мы часа два вели на рынке.

Вроде все подгадала, уличила удачный момент, когда простофиля стоял в давке за овощами, внимательно огляделась и… Мужчина ловко перехватил мою руку, сцапавшую его потрепанный жизнью бумажник. Было обидно и почему-то очень стыдно.

Стыдно не потому что занималась воровством, а потому что попалась.

На тот момент мне уже исполнилось восемь лет, и все предшествующие полтора года я оттачивала мастерство карманника. В приюте был один умелец по этой части – пятнадцатилетний Яшка. Он с радостью делился со мной своими приемами. И вот стоило выйти на первое самостоятельное дело, как тут же попалась. Еще и Демьян наблюдал со стороны за моим провалом.

– Ты что же это, пигалица мелкая, думала я не замечу, как за мной бродят два оборванца? – кричал «потерпевший». Он так сильно держал меня за руку и тряс, что в голове с каждым рывком что-то гулко разрывалось, а перед глазами мелькали черные мушки. Еще и подзатыльник отвесил такой, что из носа закапала кровь.

Демьян, конечно же, меня спас. Налетел ураганом на обидчика, отколошматил поднятой с земли палкой. Дядька, не ожидавший такого отпора от десятилетнего тощего на вид пацана, отпустил мою курточку. Друг только этого и ждал, схватил за руку, и побежал, уволакивая меня с места событий.

После случившегося я сделала для себя выводы и с еще большим усердием взялась тренироваться. Азарт, как пузырьки от газировки, гулял в крови. Подопытными были все подряд. И Жанна Алексеевна, и местные детдомовские. Но самым любимым моим «тренажером» стал Демьян. Этот худой мальчишка всегда угадывал, когда я пыталась у него что-нибудь украсть из карманов. Тем интереснее мне было. Да и ему тоже нравились такие игры.

Мы, кстати, в итоге стали лучшими друзьями, проводя целыми днями время вместе. Он заботился обо мне так, как иной раз мама не заботилась. Защищал, отдавал мне свои булочки с завтрака или конфеты. Он был мне, как старший брат, которого я всегда хотела иметь.

Особо глупые мальчишки и девчонки даже дразнили нас: «Демьян и Вероника – жених и невеста».

С тех пор прошло еще несколько лет.

Мне было уже двенадцать лет, а Дёмке четырнадцать. Прошло ровно шесть лет с момента, как я попала в детдом и обрела вторую «семью». Много было плохого и хорошего случившегося со мной за это время, но главное, что Демьян был всегда рядом.

Как-то незаметно из нескладного костлявого мальчишки он превратился в вымахавшего юношу с красивыми чертами лица. Густые черные волосы, всегда торчащие в полном беспорядке, теперь были аккуратно подстрижены и причесаны. Он сам покупал себе одежду, отдавая предпочтение черным футболкам и джинсам, следил за тем, чтобы выглядеть аккуратно и опрятно. Этому Демьян обучал и меня, стараясь, чтобы его подруга всегда имела в достатке красивые платья, кофточки и туфельки.

И у нас были на это деньги. Всегда.

Как бы нам трудно порой ни бывало, но мой натренированный дар карманника помогал прокормиться даже в самые голодные и холодные периоды.

Я стала настоящим профи, который мог стянуть любую вещицу у зазевавшегося человека. Бумажники, часы, браслеты и прочая ювелирка. Все летело в мой карман, откуда я пере-

давала свои трофеи крутившемуся рядом Демьяну. Мы работали с ним в паре. Он был моей подстраховкой и отвлекающим маневром.

Из всех детдомовских, пожалуй, мы приносили больше всего денег в общак.

И неудивительно, что нас стали уважать. Кто-то даже говорил, что Демьяну через год (когда из детдома выпустится Антон – наш нынешний вожак) могут доверить держать общак. Врут, конечно, но слышать это было приятно.

С нами хотели дружить почти все ребята, от мала до велика. И если я тянулась к некоторым девчонкам, обрастая подругами, то Дёма предпочитал уединение в моем обществе. Нет, он был общительным и легко шел на контакт с любым, будь то малыш или взрослый, но больше всего любил проводить время со мной.

Своим присутствием он словно отрезал от меня общество других парней, которые почему-то оказывали мне знаки внимания и делали недвусмысленные намеки. Фи.

Возможно, я тогда сама не замечала, что вслед за Демьяном вырастаю в красивую девушку. Уже в четырнадцать лет со мной постоянно пытались познакомиться на улице. Это были и мальчики моего возраста и даже те, кому на вид стукнуло больше двадцати. Друг страшно на это злился и чуть ли не с кулаками бросался на каждого. В глубине души мне это очень нравилось. Хотелось дразнить его и выводить на эмоции, чтобы он, наконец-то, признался мне… в чем? Наверное, в том, что я сама от себя пыталась прятать.

Мне нравился Демьян.

С годами мое братское чувство стало более многогранным и переросло в романтическую привязанность.

И я видела, что его это тоже коснулось. Парень ревновал меня, сходил с ума, но ни разу не сказал о своих чувствах.

Плотину прорвало еще через год, когда мне исполнилось пятнадцать, а Дёме семнадцать лет. К тому моменту нас все считали королевской парочкой. Еще бы! Вожак, держатель общака и его верная помощница.

Память о нашем первом поцелуе я тщательно храню в сердце, как самое-самое счастливое событие.

Тогда стояло жаркое лето, вечер. И мы впервые с Демьяном поругались. Честное слово, впервые за все эти годы. И повод был такой дурацкий. Мне хотелось крупного дела, украсть так, чтобы хватило чуть ли не на год вперед! Я даже присмотрела уже жертву – владельца восточных кафешек, расположенных вдоль трассы и шоссе, насквозь пересекающего город.

Этот престарелый жирный боров очень любил пользоваться услугами наших детдомовских «ночных бабочек». Они то и навели меня на него. Грузин лично любил объезжать свои точки и забирать выручку за неделю. Я точно знала, что помимо сомнительной еды там из-под полы приторговывают наркотиками. Даже с одного кафе за неделю сумма должна была быть очень внушительной. А если дождаться, пока он объедет все свои точки?

Вот это и затмило мне разум, на фоне чего мы поругались с Демьяном. Он был уверен, что это опасно и даже с учетом моих талантов не доведет до добра. Одно дело щипать лохов в толпе и подрезать из тачек барсетки, и совсем другое планировать ограбление, как это делают в фильмах.

Наговорив друг другу много обидных слов, на эмоциях я выскочила на улицу и понеслась в парк, где был мой любимый пруд и беседка. На душе стало так муторно и тяжело от первой ссоры. Я уже трижды горько пожалела о сказанных словах и теперь терзалась чувством вины и обиды.

А еще в парке снова разбили фонари и было так темно, что хоть глаз выколи. Поэтому, услышав за своей спиной тихие шаги, я вздрогнула.

– Кто здесь?

– Неужели, ты думала, что я оставлю тебя одну? – с укором тихо спросил Дёма.

Он вышел из темноты кустарников и подошел вплотную. От него так привычно и вкусно пахло, что я по инерции шмыгнула носом и расслабилась. Он пришел за мной, не оставил одну в ночи обижаться. Это ли не главное?

Парень положил свои теплые ладони на мои плечи и чуть привлек к себе. Мы просидели с ним так не меньше часа, тихо переговариваясь, прося друг у друга прощения, но не разрывая объятий.

С ним было очень тепло и уютно. А еще спокойно и надежно.

– Ника..? – Демьян легко приподнял мою голову, ласково смотря в глаза.

– Да..? – сердце тогда забилось чаще.

Я смотрела в его голубые сверкающие глаза и тонула в новых для себя ощущениях. Еще никогда между нами не было такого наэлектролизованного напряжения и… предвкушения.

– Я люблю тебя, Вероника. С самого первого дня, когда увидел с тем несчастным пряником, – проговорил Дёма и склонился к моим губам, даря легкий почти невесомый поцелуй.

Это было так чудесно и ново! Столько нежности и любви в простом поцелуе. Столько невысказанных чувств.

– Демьян, я… тоже.., – чуть не расплакалась то ли от радости, то ли от напряжения, – Я тоже тебя люблю!

– Я знаю, кнопка, – улыбнулся он и снова поцеловал, теснее прижимая к себе, – Я знаю…

Глава 5

10 лет спустя. 2003 год

В городе пару лет назад открыли парк развлечений, куда поставили несколько кособоких каруселей для малышей и большое колесо обозрения. Вид из самой верхней кабинки открывался фантастический – можно было разглядеть все, как на ладони, чуть ли не до соседнего городка.

По-своему я очень любила это место. Скрип старых аттракционов, хрипящая мелодия шарманки, доносящаяся из громкоговорителей на столбах. Они навевали атмосферу уютной заброшенности.

Здесь наверху я отчетливо понимала в какой глуши живу.

А мне хотелось вырваться отсюда, чтобы не видеть больше этого загнивающего в бедности города. Одно дело было смотреть на него с высоты колеса обозрения, и совсем другое спускаться на землю, ходить вдоль ветхих полуобвалившихся зданий.

Я грезила Москвой… ее широкими проспектами, освещенными неоновой иллюминацией. Яркими вывесками дорогих магазинов и ресторанов. Мне хотелось шика и соответствующего антуража, чтобы увидеть, что на нашем городе жизнь не заканчивается! Что бывает и по-другому!

– Вероника, – вклинился в мои мысли Демьян, – Ты не замерзла?

Я нехотя вынырнула из легкого транса размышлений и вздохнула. Ветер на высоте был немного прохладным.

– Нет, Дёмка, не замерзла. Но не откажусь, если ты меня согреешь.

– Хитрая лиса, – улыбнулся парень, – Иди ко мне.

Демьян расстегнул тонкую ветровку и приглашающее оттопырил одну половинку куртки. Я шустро нырнула к нему под бочок, обвила руками за торс и затихла, шумно вздыхая на мужской груди.

– Ты мне сегодня напоминаешь рассерженного ёжика, – с улыбкой в голосе проговорил Дёма, – Целый день пыхтишь, сопишь и тяжело вздыхаешь.

– Скажи спасибо, что не стреляю иголками.

– Ёжики так не умеет делать.

– Откуда ты знаешь? Может, у них есть такая сверхспособность.

– Я проверял. Их сверхспособность – это сворачиваться в клубок и прикидываться валенком в случае опасности.

– Я всегда знала, что ты отпетый хулиган!

– Я?!

– Ну, а кто, проверки ради, подвергал ежиков опасности? Ты!

– Эк ты все вывернула, Ника, – рассмеялся парень.

– Я умею. Обращайся. По дружбе сделаю тебе скидку.

– А если по любви? – коварно уточнил Демьян.

– А если по любви, то ты со мной до конца жизни не рассчитаешься, – теперь уже я рассмеялась.

– Какая ты коварная, но у меня есть один аргумент, против которого ты не устоишь.

Демьян коснулся моего лица, поднимая голову вверх, и открыто улыбнулся. Его пальцы ласково погладили по щеке и спустились на шею, нежно дотрагиваясь до кожи.

Этого нехитрого жеста мне вполне хватило, чтобы раствориться в омуте его глаз. Тело расслабилось, и я вся завибрировала в ожидании его мягких губ.

– Это и был твой аргумент? – дразнясь, чуть высунула кончик языка и плавно провела им по нижней губе.

– Нет, я его еще не применил… а вот сейчас – да, он самый…

Дёма склонился и, наконец, подарил мне сладкие прикосновения своих губ.

Меня бросило в жар в ту же секунду, когда наши языки переплелись между собой, а позже чувственно ласкали друг друга.

Я цеплялась за его ветровку и прижималась теснее, желая поделиться своим теплом, пока игривый ветер обдувал нас на высоте птичьего полета.

– И все же, Вероника, почему ты сегодня такая грустная? – найдя в себе силы отстраниться, Дёмка обнял меня, уткнувшись носом в мои развевающиеся волосы.

– А то ты не знаешь.

Мое настроение вмиг скатилось до уровня, каким было еще утром, и я нахохлилась.

– Я хотел бы услышать причину от тебя. У вас же девочек все так сложно устроено, что я даже не рискну предположить, – усмехнулся парень.

– Через три месяца тебе исполнится восемнадцать, – глухо произнесла я.

– Ника.., – с укором протянул он.

– И ты покинешь детдом.

– Ника, родная..!

– А я останусь там одна. Без тебя, – закончила свой безрадостный монолог и подняла на него глаза полные слез, – Это будут худшие два года в моей жизни.

– Вероника, – строго прервал меня Демьян, – Я всегда был с тобой рядом и всегда буду. Ничто в этом мире не помешает мне исполнить мое обещание. Ты мне веришь?

– Как самой себе, – не задумываясь, ответила.

– Тогда я запрещаю тебе плакать и накручивать себя по поводу моего восемнадцатилетия. Договорились?

Я шмыгнула носом, поджав губы, серьезно кивнула и постаралась остановить уже начавшийся слезоразлив. Успею еще наплакаться, когда Дёма выпустится из приюта.

– Тебе не кажется, что мы катаемся на этом проклятом колесе уже целую вечность? – преувеличено бодро спросил он, – Думаю, мы заслужили перекусить чем-нибудь вкусненьким в «Итальянском дворике», м?

– Конечно, заслужили, – уж что-что, а поесть я всегда люблю. Благо это на фигуре никак не отражается!

* * *

– Почему наш «Итальянский дворик» больше похож на шашлычную в солнечном Тбилиси?

Я задумчиво перебирала вилкой слипшиеся спаггети и вылавливала комки мяса, которые здесь выдавали за болоньезе. Как можно было умудриться испортить ма-ка-ро-ны с соусом?

– Потому что кафе открыл Карен, а у него на рынке одна шашлычная и две палатки с шаурмой, – уплетая за обе щеки, прогудел Демьян.

Он, кстати, как раз шаурму себе и заказал. В итальянском-то кафе.

– Хочу попробовать настоящую итальянскую пиццу и карбонару, – вздохнула я.

С моей вилки звучно шлепнулся в соус комок склеенных спаггети, разбрызгивая вокруг жирные пятна.

– Потерпи, Ника. Когда тебе исполнится восемнадцать, я заберу тебя к себе, и мы объездим весь мир! Америка, Франция, Норвегия… куда захочешь, туда и поедем.

– Хочу к океану. И чтобы песочек был белый-белый, горячий-горячий, – скромно озвучила свои запросы.

– Будет тебе и океан и песочек. Всему свое время, Ник, – тепло улыбнулся Демьян, – У нас с тобой вся жизнь впереди.

– До глубокой старости?

– До самой смерти.

Дёма погладил мою ладонь, перебирая тонкие длинные пальчики, и ободряюще улыбнулся. А я в этот момент внезапно поняла, что улыбается он только в моем присутствии. Со всеми остальными парень оставался холодно вежливым и отстраненным. Только со мной его глаза превращались из замерзших льдинок в теплое яркое небо.

С этим открытием в груди защемила нежность.

И тут в кафе вошел наш потенциальный «клиент».

– Смотри какой франт, – шепнула я, пригибаясь к столу.

Мы сидели в самом уголке заведения, за кадкой с несчастным засохшим фикусом и были незаметны для других посетителей. Демьяну всегда больше нравились уединенные места, где нас не могли потревожить другие люди.

Он обернулся ко входу и удивленно хмыкнул.

– Залётный какой-то. Не местный.

– Агааа, – плотоядно протянула я, – Тем лучше для нас.

В кончиках пальцев привычно закололо, и я размяла кисти для лучшей гибкости. Перед «делом» у меня всегда так бывает. Пальцы словно готовились цепко ухватить какую-нибудь вещь и «приделать ей ноги».

– Вероник, давай не сегодня? – поморщился Демьян, – Мы еще даже не доели.

Я закусила губу, провожая взглядом залетного. Жалко упускать такую добычу.

Вошедший в кафе парень был молод и упакован по полной.

Дорогой на вид костюм в светлую клетку, сумка-планшет с логотипом известного бренда, белый телефон неизвестной мне модели и ключи от свеженькой иномарки, оставленной у входа.

Парень вольготно сел за столик и поднял руку, подзывая нерасторопного официанта.

Демьян пощелкал пальцами у меня перед глазами.

– Космос, приём!

Я моргнула пару раз и сфокусировалась на друге.

– Зря ты не хочешь, – с укором произнесла, – Уверена, в его бумажнике лежат не только наши рублики, но и заморские доллары.

– Настроения нет на авантюры, давай лучше, посидим еще немного? – словно извиняясь, улыбнулся Дёмка, – Будешь мороженое? Клубничное, как ты любишь.

– Буду, – моментально согласилась я.

Еще час мы просидели в кафе, болтая о всякой ерунде и обсуждая дела в детдоме. Решив множество важных хозяйственных вопросов и то, как лучше распределить деньги из общака на малышей и тех, кто старше, мы засобирались домой. Да, детдом был нашим домом и в разговорах между собой мы его называли именно так.

В последний момент я шепнула Демьяну, что хотела бы посетить дамскую комнату и упорхнула на несколько минут. В туалете, вымыв руки, посмотрела на себя в зеркало и усмехнулась. Из головы так и не шел этот парнишка в клетчатом костюме. Вернее, его бумажник с мобильником , столь глупо брошенные на стол.

Зачем отказываться от того, что само буквально плыло в руки?

Мне хватит и одной минуты, чтобы его вещи перекочевали в мою сумочку.

– Дёмка будет ворчать, – вслух прокомментировала я.

На него иногда находило такое, что ему требовался отдых от всех наших авантюр и адреналина. А я загоралась идеей за считанные секунды и еще долго не могла успокоиться.

– Но если я этого не сделаю, то ворчать буду я, – рассудила и сама себе выдала разрешение на сегодняшнее приключение.

Решительно выйдя из дамской комнаты, бросила взгляд на информационную доску у самого входа, где ждал меня Демьян. Пусть почитает еще минутку, пока я тут…

Оглядевшись, довольно заметила, что единственный в кафе официант вышел покурить во внутренний двор, а свой фартук оставил на колченогом стуле.

Я схватила оставленный рабочий инвентарь, повязала его поверх платья и вцепилась в поднос, на котором уже стоял чей-то апельсиновый сок. Дополнив образ лежавшим рядом полотенцем, я глубоко вдохнула и выдохнула, успокаивая разошедшийся в крови азарт. И только почувствовав, что вновь могу похвастаться холодной головой и спокойствием удава, я оттолкнулась от стойки бармена и уверенной походкой направилась к парню.

– Ну, наконец-то, – буркнул он, еще увидев меня издалека, – Я уж думал вы там апельсины собственноручно выращиваете, чтобы выжать для меня сок.

Как удачно сложилось, не придется ничего выдумывать.

Я ухмыльнулась. Это он еще не видел, что его сок на две третьих состоит из дешевого пакетированного. Будут ему тут отжимать, как же. Зато денег сдерут, как с настоящего фреша.

– Ваш сок, пожалуйста. Извиняюсь, что так долго, – бархатным голосом мяукнула я.

«Клетчатый костюм» услышав мой чарующий голосок, замер и резко вскинул голову.

Передо мной был симпатичный лет двадцати парень со светлыми густыми волосами. Правильные черты лица красиво сочетались с прямым носом, темно-зелеными глазами и лукаво изогнутыми губами.

Он смотрел на меня, как на ангела, сошедшего к нему с небес. Чуть приоткрытый рот и полностью обескураженный взгляд, не ожидавший увидеть в забытой богом глубинке неземную красоту. Так Демьян обычно говорит, когда видит, как мужчины зависают при виде меня.

– Кхм… Ничего страшного, – кашлянув, проговорил парень.

– Одну секундочку, – ласково пропела я.

Взяла стакан с подноса, подошла ближе к столику, не разрывая с парнем взгляда, и… сделала вид, что споткнулась. Полетела вперед вполне себе натурально. В какой-то момент даже испугалась, что не устою на ногах, но сок вылила на «клетчатый костюм» как и задумывала. Ровненько в цель.

Оранжевое пятно растеклось по его белоснежной рубашке, стекая на брюки.

– Боже, я такая неловкая! – запищала я, – Простите меня, пожалуйста! Извините! Сейчас… одну секундочку…

– Вот же черт! – чуть запоздало воскликнул он, порываясь встать.

Но я его опередила. Позаимствованным полотенцем принялась хаотично промакивать пятно, делая его еще только больше.

– Простите меня. Я не специально, честное слово! Мне так стыдно, испортила вам рубашку, – тараторила я, как сорока.

– Главное, что вы не упали, – чуть обалдел от такого рвения он, – А рубашка – хрен с ней.

– Ну как же, все равно жалко хорошую вещь, – покаянно качнула головой и тряхнула распущенными волосами.

– Новую куплю.

Он проследил за каскадом чуть волнистых пшеничных локонов и снова залип, переведя взгляд на мое лицо. Мысленно усмехнулась – поплыл парень.

Пока одной рукой я продолжила тереть полотенцем по его груди, вторая шустро вцепилась в бумажник с телефоном, пряча их в кармане фартука.

– Ну вот, осталось только замыть пятнышко, – бодро произнесла, – Давайте я вас провожу до туалета.

– Не надо. Будет мокро, – возразил он.

– Тогда вот вам полотенчико, приложите, чтобы лучше впиталось, а я сейчас принесу чистую влажную тряпку.

Сделав еще одно неаккуратное движение, специально вылила на него остатки сока из стакана. Мне же не нужно, чтобы он заметил пропажу прямо сейчас.

– Иии! – заголосила я, – Простите! Извините! Да что же за день сегодня такой?!

– Вы кого-то еще облили соком? – на удивление хохотнул он.

– Обляпала соусом болоньезе, – призналась я, умолчав, что испортила только свое платье.

– Вам не кажется, что работа официанткой не для вас? Убытков больше, – съязвил парень.

– Извините, пожалуйста, – пролепетала и всучила ему в руки полотенце, – Я сейчас вернусь, только сбегаю за тряпочкой.

Самое время исчезнуть.

Бросив взгляд на доску информации, обнаружила, что Демьяна там уже нет. Он увидел, что я все-таки решилась на авантюру, и благоразумно переместился к выходу во внутренний двор, здраво рассудив, что при выбранном сценарии я не буду уходить через вход для гостей.

Спиной я чувствовала прожигающий взгляд «клетчатого костюма».

Выбежав через кухню на улицу, тут же попала в объятия хмурого Демьяна.

– Вот и зачем ты устроила этот цирк? – тут же набросился он, – Хотели же спокойно уйти.

– Смотри! – с ловкостью фокусника вытащила из кармана пухлый бумажник из натуральной кожи и телефон, – Хорошая добыча за пару минут.

– Хулиганка, – усмехнулся Дёма и быстро меня поцеловал, – А теперь уходим.

Я сорвала с себя фартук и бросила его на крыльцо.

– Бежим, – довольно шепнула.

– А вы не хотели бы вернуть то, что украли?! – раздался грозный вопрос за нашими спинами.

Меня за руку схватил откуда-то появившийся на крыльце «клетчатый костюм». Он держал крепко, наверное, останутся синяки.

– Такая красивая девушка – и воровка, – осуждающе покачал головой, – Еще и рубашку мне испортила.

Я попыталась вырваться из захвата, но бесполезно. Парень лишь удобнее перехватил мою руку.

– Отпусти ее, – прогремел Демьян и набросился на блондина.

Тут стоит заметить, что мы оба умеем драться. Жизнь в детдоме быстро учит стоять за себя и размахивать кулаками. Пусть девчонкам это не столь необходимо, как пацанам, но я тоже могу ударить так, что звездочки запляшут перед глазами.

Демьян провел быструю подсечку, но тут же встретил активное сопротивление. «Клетчатый костюм» весьма успешно отбивался и кое-где даже умудрялся нападать. Чувствовалось, что он занимался единоборствами, но против уличных драк этого было недостаточно.

Через минуту Дёма уложил его на лопатки. Блондин был весьма потрепан, а под глазом наливался синяк. Он лежал на крыльце и покряхтывал, потирая ушибленный бок.

Чувство сожаления и жалости на мгновение затопило меня. Захотелось помочь ему и вернуть то, что украла, но Демьян схватил меня за руку и побежал.

– Уходим.

Мы бежали довольно быстро, пока не запрыгнули в проезжающий мимо троллейбус.

Отдышавшись, Дёма обнял меня и строго сказал:

– Без моего разрешения больше никаких авантюр. Понятно?

Я покладисто кивнула и елейным голоском спросила:

– Посмотрим бумажник?

– Открывай.

В отделениях мужского кошелька лежало пятнадцать тысяч рублей, множество пластиковых карт и почти тысяча долларов.

– Богатая рыбешка попалась, – присвистнул Демьян.

– Ага, – шерстя бумажник, пробубнила я, – Родионов Матвей Олегович. Двадцать два года.

С пластикового пропуска на меня лукаво смотрел наш потерпевший.

– Компания «НефтьГазСтройИнвест». Москва…

– Это не та ли компания, что строит у нас тут нефтеперерабатывающий завод? – задумчиво протянул друг.

– А черт их знает, – пожала плечами, – Какая нам разница кто он? Видно же, что залетная птица. Сегодня здесь, а завтра укатит в свою Москву.

– Все равно нужно проявить осторожность, – веско добавил Демьян.

Глава 6

Деньги из украденного бумажника мы положили в наш личный схрон. Это было небольшое углубление в стене, до которого еще следовало добраться и заодно вытащить несколько кирпичей из кладки. Стена находилась в подвале детдома, за котельной, где у нас был собственный закуток в виде большой комнаты.

Здесь мы проводили с другими ребятами собрания, решали вопросы и справляли праздники с близким кругом друзей.

Эта комната переходила от вожака к вожаку детдома вместе с почетным статусом.

В своем тайнике мы хранили металлическую банку из-под дорогущего печенья, наполненную деньгами. Это был не общак приюта, а наши личные накопления с Демьяном. Сюда складывалось все, что мы добывали сверх своих обязанностей.

Любовно пересчитав денежки, я дополнила сумму сегодняшней добычей и вздохнула.

Без малого миллион рублей.

На безбедную жизнь после выпуска не хватит.

Благо, что у меня хоть квартира от мамы осталась. А Демьяну государство должно выдать квадратные метры. Но надеюсь, через два года мы сможем с ним уехать в Москву и прочно обосноваться там.

Чуть позже мы с Дёмкой разбежались по своим комнатам. Он вспомнил, что обещал малышне починить их велосипед, а я хотела просто полежать и почитать книгу.

Но планам не удалось сбыться.

Как только я забежала в комнату, на меня набросилась Алиска – моя лучшая подружка.

– Ну, наконец-то! Тебя Жанна Алексеевна уже полчаса как ищет! – Алиса аж подпрыгивала от нетерпения узнать последние сплетни, – Что ей от тебя надо-то?

– А я откуда знаю? – искренне удивилась, – Меня тут не было.

– Забежала вся такая злющая, морда перекошенная. Что вы натворили-то?

– Если мне не изменяет память, то ничего такого, от чего у нее могло перекосить морду лица, – хохотнула я.

– Ты все шутишь, а она просила срочно тебя к ней на ковер, – укорила девушка, – Кстати, я слышала, что завтра всем девочкам дадут задание по пошиву чехлов на стулья.

– ОПЯТЬ?! – завопила я, подпрыгивая на кровати.

– Не опять, а снова. А ты что хотела?

И в прям? Чего это я размечталась?

Просто раз в несколько недель Жанна Алексеевна находит где-то заказы по пошиву чего-нибудь крупного и в большом количестве. В прошлый раз, например, мы шили чехлы на кресла и диваны. Была еще детская форма, фартуки, комбинезончики и прочие изделия. Деньги с таких заказов директриса кладет к себе в карман, а на нас лишь покрикивает за малейшие промахи.

– Кто ее снабжает такими заказами?

– Говорят, в этот раз банкетный зал, что недавно открылся на Власова.

– Это, где справляли день рождения и похороны одновременно?

– Угу, – кивнула Алиска, – Иди давай, а то сейчас примчится наша мегера.

Тяжко вздохнув, уже который раз за сегодняшний день, я пошла на очередную головомойку.

Как оказалось вполне заслуженную…

Кто-то из ребят, кто регулярно доносил директрисе, видел нас с Дёмой в «Итальянском дворике», а потом не поленился узнать, что же случилось. Радостно погрев уши, аноним уска-

кал под крылышко Жанны Алексеевны и все ей растрепал, отчего та сейчас изрыгала столбы пламени и тонну ругательств.

– Запру вас с Демьяном на месяц в лазарете, – рявкнула женщина не хуже любой овчарки, – Будете сидеть на воде и хлебных корках, поганцы!

В моменты ее злости самое главное до конца прикидываться слепоглухонемым чайником. Молчать, повинно сопеть и не сметь поднимать глаз. Тогда, если повезет, гроза пройдет мимо и почти не заденет. Все-таки женщиной она была отходчивой, хоть и жадной до ужаса.

– Вот скажи мне, Вероника, – кричала она, – Что из тебя вырастет, если ты уже в шестнадцать лет воруешь? Хочешь в тюрьму загреметь и провести там большую часть жизни?

Так, мы идем уже по знакомому сценарию. Не первый год она затягивает именно эту шарманку.

– Связалась с этим Демьяном! Хулиганье, прости господи! Тебе нужно учиться, дурная твоя голова. Учиться, поступать в институт, найти хорошую работу. А ты о чем думаешь? Как ты жить будешь после интерната?

Я облегченно выдохнула. Сейчас она покричит еще о том, что единственный выход для меня – найти себе хорошего обеспеченного мужчину и создавать семью, а после назначит очередное глупое наказание и я свободна.

– У тебя успеваемость с каждым годом становится все хуже и хуже, – верещала Жанна Алексеевна, – Кому ты нужна будешь тупая, как пробка? Демьяну твоему? Так с его криминальным талантом не долго ему на свободе ходить! Сядет, как только выпустится из интерната. А ты, в проститутки пойдешь?

К этому моменту я привычно отключилась и стала думать о своем.

Не любила директриса Демьяна. Она считала, что он на меня дурно влияет, и даже не догадывалась, что все было совсем наоборот. Это я его обычно втягивала во всякие авантюры и приключения.

– Всё, уйди с глаз долой! Если по ваши души придет милиция, сдам с потрохами и не пожалею, – сурово отрезала женщина, – И ты наказана. Сегодня же сядешь за пошив чехлов на стулья.

– Я?! – позволила себе возмутиться, – Я не умею и не люблю шить! Давайте лучше буду двор мести?

– Этим займется Демьян, – едко улыбнулась директриса, – Или ты думала, я оставлю его без наказания?

Я обиженно запыхтела, проклиная все на свете.

– Выкройки с тканью возьмешь у Натальи Борисовны. Всё, ступай и до ужина не попадайся мне на глаза, – сердито закончила женщина.

* * *

Битый час я уже сидела за допотопной швейной машинкой и пыталась сотворить «шедевр», который хоть немного налез бы на стул.

У меня начисто отсутствовал талант к шитью, поэтому даже готовые лекала не могли помочь. Ткань некрасиво морщилась, нитка в станке путалась и застревала узлом, а я злилась, размахивая ножницами.

– Это какое-то издевательство, – жалобно протянула я.

От окна раздался тихий стук.

С раздражением посмотрела туда, но ничего не увидела. За окном уже сгущались сумерки, и наверняка это ветка стукнулась о стекло.

Через пару секунд стук повторился, и я поняла, что это некто бросает камешек в окно.

– Кто это такой умный, – тихо бормотнула я и ткнулась носом в стекло.

Внизу стоял Демьян в обнимку с пластиковыми граблями и лихо улыбался. Припахала его все-таки директриса мести двор.

Рядом с ним бегала веселая ребятня с велосипедом и гоняла мяч, а друг облокотился о черенок грабель и с гордостью смотрел на свою работу.

Все листья и прочий мусор были тщательно сметены в одно большое сердце. Для меня.

Я рассмеялась и послала воздушный поцелуй Дёмке.

Он шутливо его поймал и поднес руку к груди.

– Неисправимый романтик, – прошептала я.

Друг что-то шепнул в ответ, и я по движению губ поняла, что это: «люблю тебя, Вероника».

– Я тебя тоже, – беззвучно ответила ему.

А в этот момент у ворот детдома стояла новенькая БМВ с включенными фарами. У открытой двери с интересом за нашими с Дёмой перешептываниями наблюдал Матвей.

Увидев, что его заметили, «клетчатый костюм» отсалютировал рукой и скрылся в недрах машины.

Глава 7

Матвей

С шести лет, как умерла мама, Матвей привык сам о себе заботиться. Пока вечно уставший отец, тяжело переживавший потерю супруги, пропадал с утра до ночи на работе, мальчик сам варил себе макароны, нехитрые супы, прибирал дома и без принуждения учился только на пятерки.

Пойдя в первый класс, Матвей был единственным ребенком, кто пришел без родителей и цветов для классной руководительницы. Во-первых, у его отца не было времени, чтобы сопроводить сына на школьную линейку, а во-вторых, папа забыл предупредить о цветах. С самого первого дня обучения ребенку пришлось не сладко.

Все последующие годы Матвей рос, как сорняк, никому ненужный. Бабушек и дедушек у него не было, а отец строил свою карьеру и частенько забывал, что дома сидит маленький мальчик.

В их холодильнике порой не бывало продуктов, чтобы приготовить нормальный обед или ужин, но Матвей все равно рос послушным и примерным мальчиком. Он делал всё по дому, готовил на двоих с отцом, прилежно учился и в целом старался не доставлять отцу проблем.

С каждым годом учителя в Родионове младшем открывали неподдельную тягу к учебе. Мальчик был круглым отличником и существенно опережал одноклассников по уровню знаний и начитанности. Особая расположенность у него была к цифрам и математике. Феноменальная память и прочитанные еще в третьем классе учебники за оставшиеся годы обучения привели к тому, что уже в пятом классе он освоил всю школьную программу.

При этом Матвей, как мог, пытался быть полезным своему папе. По-детски заботился о нем, переживал, когда тот возвращался поздно ночью в сильном подпитии. Но Олег Сергеевич после смерти жены не обращал на ребенка никакого внимания. Он упорно старался построить свой бизнес, а ребенок только отвлекал.

Так продолжалось до одиннадцати лет, пока Матвей не понял, что все его попытки не приносят успеха. Вот тогда сына, как подменили.

Буквально в одночасье он из послушного домашнего мальчика превратился в неуправляемого чертёнка.

И если раньше отец мог страдальчески вздыхать на тему, как ему не повезло остаться отцом-одиночкой, то сейчас внезапно схватился за голову, осознав, какой он дурак. Сын-то у него был примером для подражания другим детям. Ключевое слово – был.

Так что, по-своему, но Матвей добился внимания отца.

Правда это совпало с тем, что дела Олега Сергеевича круто пошли в гору и в их семье, наконец, появились большие деньги. Поэтому отец, недолго думая, отправил Матвея в Англию в закрытую школу, больше похожую на тюрьму.

Отучившись там восемь лет, подросток вернулся в Москву едва ли не вундеркиндом. Четыре иностранных языка, высшая математика, финансирование и юридическое право. Согласитесь, для девятнадцати лет это был приличный набор знаний, с которым хоть сейчас занимай место генерального директора.

Олег Сергеевич совсем уж дураком не был, быстро смекнул, что такой ценный кадр, как его сын, пригодится ему самому в компании.

И пусть между отцом и Матвеем остались не самые теплые отношения, но оба делали вид, что забыли о прошлом. В какой-то степени парень все равно тянулся к своему родителю, ведь если откинуть эмоции и детские обиды, то стоило признать, что его отец был интересным и сильным человеком.

Олег Сергеевич с нуля смог создать фирму в годы, которые назывались лихими и опасными. За счет своей колоссальной трудоспособности, хитрости и уму выстоял, как гибкое дерево под гнётом рэкета, кризиса и смены властей.

В тайне от всех и, пожалуй, от самого себя Матвей даже гордился отцом, понимая, что цена успеха родителя – это его трудное детство, когда он не видел папу по несколько дней подряд. Что тут еще скажешь? Трудности закаляют.

Зато сейчас они заметно сблизились, работая больше трех лет в одной упряжке.

* * *

Еще месяц назад Матвей и подумать не мог, что судьба занесет его вслед за отцом в маленький городишко на Урале.

На протяжении полугода их компания строит там небольшой, но функциональный завод. Олег Сергеевич частенько мотался туда, чтобы держать руку на пульсе, а рабочих в тонусе, но разговоров о временном переезде не заводил. Всегда обходился делегированием полномочий на своих многочисленных замов и директоров.

Гром грянул в марте, когда отец вернулся домой в приподнятом и хмельном состоянии. Он с советом директоров до утра праздновал победу в тендере, сулившем им безбедную жизнь на несколько десятков поколений вперед. Как тут не накатить водочки?

Выигранный заказ был масштабным, очень дорогим, и рисковал перерасти в долгострой. Но их этот момент не волновал – чем дольше они будут бурить и строить, тем больше им заплатят. Идеальные условия.

Особенно Родионову старшему нравилось, что территориально по условиям тендера они будут работать в той же области, где происходило строительство их завода. Исключительное совпадение да и только.

Поэтому подумав на досуге о сложившейся ситуации, Олег Сергеевич снарядил двоих своих замов и отправил их подготавливать почву для переезда первого лица компании и его сына.

Парню давно было пора вникать в «полевую» работу, а то сын совсем закопался в своих аналитических отчетах, финансовых сводках и многостраничных хитро составленных договорах.

Спору нет, парень у него башковитый, не по годам умный. Вон даже высшее образование экстерном получил в девятнадцать лет. Даст Бог и внуки такие же смышленые будут!

Тут главное – подобрать правильную девушку с хорошей родословной, чтобы в потенциальных родственниках не оказалось алкашей, преступников и наркоманов. Обидно будет загубить их генофонд маргинальными наклонностями.

Но поиском достойной партии для сына он лично займется через пару лет, а пока пусть парень отрывается на полную катушку.

Матвей у него умный, абы с кем спать не будет, а уж про внебрачных детей и говорить не стоит. Сам он в подоле младенца не принесет, а ушлую девицу всегда можно задобрить деньгами и отправить на аборт.

А пока им нужно в течение полугода удачно запустить выигранный проект за Уралом. После этого, возможно, они вернутся в Москву.

* * *

Матвей отряхнулся от плотно налипшей на костюм пыли и поморщился. Идея отца отправить его на «полевые» работы, а именно на котлованы, где только готовились бурить скважины и укладывать фундамент под будущие сооружения, изначально не показалась ему блестящей.

Он искренне считал, что каждый должен заниматься тем, к чему имеет предрасположенность. Его вотчина – это цифры, анализ, аналитика и договора. В этой сфере он чувствует себя, как рыба в воде.

А вот уже на площадке посреди простых работяг, которые ждали от него слаженной команды к действиям, вот тут пришлось попотеть, ощущая себя бестолковым юнцом. И ведь не скажешь этим хмурым мужикам, что сам знаешь не больше их самих.

Но Матвей готовился к такому приему, поэтому его первый выход в «поля» прошел… сносно. Или терпимо. Ему просто нужно было еще немного времени, чтобы изучить все, что могло понадобиться при запуске проекта.

Отец ждал от него чего-то особенного, и парень должен был показать результат. Благо, в его распоряжении были помощники и директора Олега Сергеевича, которые вводили в курс дела и делились опытом.

Сегодня, закончив лазить по котловану в кожаных туфлях и костюме от Armani, он направился на обед в кафешку, которую видел по пути. Ничего особенного, обычная забегаловка, но с претензией на статус, если судить по названию и ценам.

Только почему-то «Итальянский дворик» подозрительно был похож на армянский или грузинский кабак. Но это неважно. Все равно в этом городишке нет более приличного заведения.

А дальше случилось то, что случилось.

Его нагло ограбили средь белого дня.

Так помимо вопиющего факта воровства, под глазом сейчас наливался предательский синяк.

К своему стыду Матвей мог признать, что во время обучения в Англии единоборствам уделял куда меньше времени и сил, чем финансовым дисциплинам.

И вот результат.

Сначала симпатичная девица задурила ему голову своей ангельской внешностью, а потом ее подельник нокаутировал его, как сопливого мальчишку.

Матвей еще раз отряхнул любимый костюм и неожиданно для самого себя рассмеялся.

– Вот уж не думал в такой глуши нарваться на подобные приключения, – проворчал он.

И эта девица…

Нельзя быть настолько красивой…

Бархатная на вид чуть золотистая кожа, розовые губки сердечком, не тронутые ни помадой, ни блеском.

А какие глаза? Два бездонных колодца с родниковой водой! На дне которых плещутся чертята и играют со спичками.

Неудивительно, что она воровка. Интересно, сколько уже украла мужских сердец?

Он вспомнил каскад волнистых блестящих локонов и остро захотел пропустить их между пальцами. Узнать какие они на ощупь, а потом притянуть к себе и…

– Черт, – выдохнул Матвей, – Не о том я думаю.

Бросив взгляд туда, где скрылась парочка, он вздохнул, испытывая странное томление в груди.

Его обокрали, он должен рвать и метать, а вместо этого стоит пришибленный и вспоминает в деталях лицо девчонки. Сколько ей лет? Выглядит вполне себе на восемнадцать, но с учетом нынешней акселерации, ей может быть не больше шестнадцати лет.

Матвей должен был вернуться на стройку, но перед этим следовало переодеться в чистый костюм и оценить синяк под глазом. Под кожей неприятно дергало, значит, позорного фингала не избежать.

Родную милицию парень решил не привлекать. Он сам найдет воришек уже через час. А там и решит, что дальше делать.

Есть у него специальная программка, установленная в любимом украденном BlackBerry и передающая сигнал о местонахождении телефона.

Ближе к вечеру, закончив работу, Матвей приехал по указанному в навигаторе адресу. Где-то здесь находилась его пропажа. Странно, что парочка «Бонни и Клайд» не выключили телефон. Наверное, они даже не слышали, что таким образом можно отследить местоположение.

Вид улицы, на которой оказался младший Родионов, удручал своей серостью и обветшалостью. Впрочем, как и весь этот городок, забытый Богом и местными властями.

Перед глазами стояло несколько облупленных зданий и покосившийся кривой забор, за которым с веселыми криками бегала разномастная ребятня.

Ржавая вывеска над распахнутыми воротами доносила всем желающим, что это место – «Муниципальное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Детский дом № 1».

Перечитав несколько раз название, Матвей вздохнул.

– Мог бы и догадаться, – попенял он себе.

Желание идти на разборки с воришками куда-то пропало, хоть он и заметил во дворе стоявшего парня, который оставил ему под глазом синяк. Тот стоял в обнимку с граблями и влюбленным взглядом смотрел в окна второго этажа.

Переведя взгляд туда, Матвей замер.

За стеклом на него смотрела самая красивая девушка на свете.

Это была она.

Та, что сначала облила его соком и заботливо терла полотенцем по груди, а потом свистнула бумажник с телефоном. Сейчас он был готов добровольно предложить ей свой кошелек с мобильным, лишь бы она еще раз прикоснулась к нему, как в кафе.

Парочка обменялась воздушным поцелуем, а у Матвея сердце в груди пропустило пару ударов.

Когда он понял, что его заметили, то приветливо махнул рукой и улыбнулся.

Не хотелось, чтобы девушка переживала, увидев его. Еще напридумывает себе, что Матвей приехал права качать. И неважно, что изначально он ехал именно с этой целью.

– Дурак! – сказал сам себе и сел в машину.

Ему еще нужно будет объясниться с отцом, придумав откуда взялся синяк. А это посложнее любого знакомства с понравившейся девушкой. Батя точно не поймет, кто посмел его сыну набить лицо.

Зато душу грела мысль, что он еще продолжит знакомство с прекрасной сироткой. Пожалуй, следует только запастись бумажниками…

Глава 8

Когда же закончится это грязное белье?!

Мы с девчонками все ладони умудрились стереть до мозолей, пока собственноручно стирали бесконечное количество простыней, пододеяльников и наволочек. Это было нашим наказанием за маленький бунт.

Хотя, каюсь, в этот раз я даже не участвовала. Меня вообще не было в стенах родного учреждения, мы с Демьяном окучивали рынок. Но репутация бежит впереди меня. Жанна Алексеевна долго разбираться не стала и как всегда сделала меня во всем виноватой.

А дело в том, что Игорёха Рыжий вчера утром увидел, как на кухню привезли десяток коробок с шоколадными конфетами. Он даже умудрился слазить туда в отсутствие поварихи и снять пробу с «Мишек на севере». Растрезвонив об этом всем, кому мог, дети стали ждать десерта к чаю. Но после обеда Верка Сазонова углядела, как к служебному входу подъехала старая Нива торговца Ашота, продавца бакалеи на рынке. Воспитанники детдома алчным взглядом проследили, как конфеты в том же количестве, что и прибыли, перекочевывают в машину ушлого бизнесмена, а стопка денег оседает в кармане Жанны Алексеевны, и на ужин устроили такую вакханалию, каких эти стены еще не видели.

Мы-то с Дёмкой вернулись в ночи, а на утро узнали, что пятерка самых отъявленных хулиганов и хулиганок будут отрабатывать наказание. Как я попала в этот список, ума не приложу! Спорить было бессмысленно.

Поэтому теперь нам, пятерым девчонкам, придется вручную стирать все имеющееся белье в детдоме. А воды горячей нет.

– Надоело, – я шваркнула наволочку в таз и с трудом разогнула спину.

Руки покрылись неприятными цыпками с трещинами и заледенели так, что пальцы с трудом гнулись.

– И мне, – Верка Сазонова повторила за мной и уселась на пол прачечной.

– А еще целая гора, – вздохнула Катюшка и тоже присела передохнуть.

– Батрачим, как Золушки, – с обидой протянула Ленка Самосвал.

– Не детдом, а тюрьма строго режима, – сплюнула Ира.

Мы посидели немного на полу, переводя дух, и продолжили морозить руки в холодной воде.

Через пару часов в дверь прачечной настойчиво постучали, и внутрь ворвался довольный Демьян. В руках у парня был сверток и маленькая бархатная коробка.

– Девчонки, я украду у вас Нику на пару минут, – бодро заявил он и улыбнулся, глядя на меня.

– Да мы уже почти закончили, можешь и не возвращать ее, – отрапортовала Ленка. Мне кажется, она была влюблена в Дёму, но тщательно это скрывала.

– Она у нас и так пострадала ни за что, – хохотнула Ленка, – Опять.

– Не опять, а снова, – вставила Ленка, – Чуть что, так Жанна Алексеевна всегда на вас двоих сначала думает.

– Репутация, – уважительно протянула Ира.

– Было бы что путное от этой репутации, – нахмурилась я и посмотрела на свои руки.

Кожа была в печальном состоянии, кое-где трещинки даже кровили.

– Пойдем, – Демьян протянул мне руку и легко обнял за талию, – У меня для тебя сюрприз.

– Балуешь ты ее, – натянуто рассмеялась Ленка, провожая нас завистливым взглядом.

– Заткнись, Самосвалиха, – прошипела Катя, – Зависть – плохое чувство.

– А что я? Я ничего.

Дёмка вышел в коридор, оглянулся по сторонам и открыл дверь соседней кладовки.

– Заходи.

Он включил свет и буквально затолкнул меня внутрь, дрожа от нетерпения.

Его настроение передалось мне, и тоже вся задрожала от вспыхнувшего интереса.

– У меня для тебя подарок, – с затаенной гордостью еще раз повторил Демьян.

– И по какому поводу? – растянув рот до ушей, осведомилась.

Подарки я любила. Не так часто воспитанники детского дома получают что-то в дар. Меня, например, только Дёмка и радует, а я его.

Парень разгладил яркую оберточную бумагу на свертке и протянул его мне.

– Открывай.

Плохо гнущимися от стирки пальцами я аккуратно вскрыла сюрприз и обомлела.

Наружу шелковым небесным каскадом показалось очень красивое и дорогое платье, которое недавно мы видели в витрине магазина. Нежная струящаяся ткань и изысканное кружево на воротнике и рукавах.

Платье было потрясающе красивого цвета. Ярко-голубое, блестящее за счет шелка.

– Демьян! – в полном восторге ахнула я, – Ты с ума сошел! Оно же очень дорогое!

Парень выглядел довольным, как начищенный самовар. Я пару раз еще взвизгнула от восторга и повисла на нем, целуя то в щеки, то в губы.

– Зачем ты так тратился?

– Мне не жалко для тебя денег. Ты моя принцесса и должна носить красивые вещи и украшения, – просто ответил он, – Это еще не все. Вот, к платью.

Он протянул бархатную коробочку и сам открыл крышку.

На светлой подушечке лежали до невозможности красивые длинные серьги с крупными голубыми камнями.

Явно смущаясь, он пояснил:

– Это не золото, всего лишь серебро, но я подумал, что они подойдут к платью.

– Я в восторге, Дём, – ошалело пробормотала и подняла на него взгляд, – Сколько же ты потратил?

– Неважно, – тепло улыбаясь, ответил он.

Ну, предположим, сколько стоит платье, я знаю. От этой суммы мне на мгновение поплохело. А вот серьги…

– Чистые топазы, – Демьян взял одну сережку и прислонил ее к моему уху, – Тебе очень идет, Вероника.

– Спасибо!

– Надень их сегодня вечером, – вдруг попросил он, – Платье и сережки.

– Что ты задумал?

– Увидишь вечером, – тихо шепнул он, приближаясь ко мне вплотную.

Мое сердце привычно замерло и сделало кульбит. Я всегда так реагирую на него. В присутствии Демьяна, особенно, когда он так решительно настроен меня поцеловать, мой мозг отключается, а сердце лихорадочно бьется в груди.

Я первая потянулась к нему. Губы коснулись разгоряченной кожи, и Демьян сдавленно выдохнул, перехватил мою руку и поцеловал запястье.

– Сегодня в шесть вечера, – отстраняясь, тихо проговорил он и выскользнул из кладовки, пока я еще не пришла в себя.

Это что сейчас было? Он сбежал от поцелуя со мной?!

Я же видела, как сильно он хочет дотронуться до меня, сжать в своих объятиях и провести дорожку поцелуев от шеи до плечика…

* * *

Демьян меня ненадолго озадачил, но скоро я убежала к себе в комнату и стала готовиться к вечеру.

В нашем детдоме, чем старше становились воспитанники, тем меньшей группой они жили в комнатах. Если в своем шестилетнем возрасте мы жили с девочками по тридцать человек, где были малыши от четырех до восьми лет, то сейчас я делила комнату с еще пятью товарками по несчастью. Итого шесть жиличек и три двухъярусные кровати.

Доставшиеся мне соседки всегда были адекватными и первыми на рожон не лезли. Они признавали мое лидерство и не строили за спиной козни. Правда, я не уверена, что все было бы так же, если еще с шести лет не стала зарабатывать себе имя и репутацию отъявленной оторвы. Теперь они работали на меня, как верно подметила Ириша.

Каждая из нас стремилась по-своему украсить комнату и сделать ее уютнее. Я, например, притащила себе небольшой шкаф для одежды, тумбочку и зеркало почти в полный рост. От последнего девчонки радостно пищали, так как с зеркалами в приюте напряженка.

Моя кровать была нижней и все пространство на стене до верхней кровати я завесила разными плакатами любимых музыкальных групп и актеров. Все лучше, чем смотреть на облупившуюся краску и следы протечек с крыши. Бывают у нас по весне и осени дни, когда алюминиевыми тазиками уставлен весь пол. Спать при такой «капели» просто нереально.

Плакаты я брала из модных журналов нашего времени: «Cool» и его девчачьей версии «Cool Girl», «Все звезды». Демьян старался купить мне каждый свежий выпуск, чтобы порадовать. Он знал, как я люблю разглядывать яркие глянцевые картинки.

Мне доставляло особое удовольствие читать интервью со звездами, рассматривать их дома, шикарные платья, в которых они фотографировались на очередной тусовке.

Некоторые фотографии я даже вырезала и клеила себе на стену, чтобы по ночам представлять, что это я стою на красной ковровой дорожке в роскошном платье со шлейфом.

Хотя соседки по комнате занимались тем же самым, получив после меня изрядно потрепанный журнал.

Сейчас на моей стене висели плакаты таких групп, как: «Звери», Земфира, «Би-2», «Многоточие», «Король и Шут». Сюда даже затесались Михаил Круг и Михаил Шуфутинский, над чем любил посмеяться Демьян, заявляя, что у меня нездоровая тяга к блатной романтике. Но это не так, мне просто нравились их песни и музыка.

В моем кассетном плеере, который работал от двух вечно садящихся не вовремя батареек, всегда можно было услышать что-нибудь из русского рока и шансона.

Демьян же больше всего любил «Многоточие», находя в их текстах отражение наших жизней.

– Вероник, ты куда марафетишься? – отвлекла меня Алиса.

Девочка сидела на своей кровати и задумчиво листала какую-то книгу.

– Не знаю, – честно ответила ей, – Демьян готовит какой-то сюрприз.

– Повезло тебе, – вздохнула она, – Мой Костик из сюрпризов может только бутылку пива на двоих подарить или отвести к речке, где мы с ним… ну… ты понимаешь, – смутилась Алиска.

– Надавать по ушам следует твоему Костику, а не заниматься с ним чем попало!

Алиска хоть и была моей лучшей подругой, но мы были с ней очень разными.

Когда-то давно я помогла ей отбиться от издевательств старших девчонок, которые сейчас уже давно выпустились, и с тех пор мы дружим нашей странной взаимодополняющей друг друга дружбой.

Я учусь из рук вон плохо, а она – отличница и всезнайка, помогающая мне в учебе.

Меня боится и уважает почти каждый в детдоме, а она тихая и скромная девочка, которой я даю защиту и свое покровительство.

Я хочу устроить свою жизнь так, чтобы ни дня не думать о бедности, а она лелеет мечту встретить настоящую любовь. Как в книгах.

Собственно, этим она и занимается с тринадцати лет, перебирая кавалеров, как перчатки. Я всегда ей говорю, что в тихом омуте черти водятся. Ну, кто бы мог подумать, что в тихоне скромняшке живет столь любвеобильная особа?

Костик – ее новое увлечение, которому еще нет и двух месяцев, а она уже подумывает его бросать.

– Через это «заниматься чем попало» я узнаю, подходим мы друг другу или нет, – оскорбилась Алиска, – Тебе бы тоже не помешало, а то носишься со своим Демьяном столько лет, а до главного так и не дошли!

– А мы никуда и не торопимся, – отбрила я ее.

– Ну ты же не знаешь, понравится ли тебе! Вдруг, там у него пшик, – все не успокаивалась подруга.

– А, ну, цыц, – с металлом в голосе произнесла я, – Думай *что* и *о ком* ты говоришь.

– Да я-то думаю, а вот ты все в облаках витаешь. На совместимости в постели держаться почти пятьдесят процентов отношений. Вот, представь. Вы поженитесь, свадьба, первая брачная ночь, а он тебя не устраивает, как мужик. И что дальше? Развод? А стоило попробовать раньше, – нравоучительно закончила она.

– Все сказала? – усмехнулась я, – А теперь послушай, что я скажу, и чтобы больше подобных разговоров не было. Ясно? Демьян меня бережет для себя и в штанах у него все, как надо. А ты не имей привычки совать свой нос к другим людям под одеяло! Без тебя разберемся.

Алиса нахохлилась и обиженно буркнула:

– Ясно.

Я лишь вздохнула. Опять перегнула палку и сказала более резко, чем хотела.

– Алиса, не дуйся. Я не хотела с тобой ругаться, просто…

– Отстань, я все поняла, – отмахнулась она и уткнулась в книгу.

– Ни черта ты не поняла, – разозлилась я, – Просто мы с Демьяном несколько раз обсуждали этот вопрос и оба пришли к мнению, что нам не стоит торопиться. Он хочет сделать это, когда я еще подрасту, а не в мои шестнадцать лет.

– Бедный парень. Обрекает себя на годы целибата…

– Это у тебя там свербит, – схамила я, – А нормальные люди и потерпеть могут.

– И это ты называешь «не хотела ругаться»? – скуксилась Алиса.

– Ага.

Открыв косметичку, я отвернулась от подружки. Вот же пристала, зараза! И ладно бы в первый раз, так нет! Стабильно раз в месяц она заводит этот разговор.

Сама-то Алиса уже переспала с несколько десятком парней, но все ей было не так. То сопит громко, то пыхтит, как паровоз, то смешно губы складывает трубочкой, то ушами дергает во время процесса. Тфу.

Разозлила она меня.

Я легко накрасилась, тронув тушью ресницы, а щеки румянами, и расчесалась, собирая волосы в высокую прическу. Закрепила их крабиком со шпильками и распустила локоны на спину.

– Красивое платье, – примирительно сказала Алиска из своего угла, – Дашь поносить?

– А ты мне его обляпаешь снова чем-нибудь, – беззлобно ответила, – Я по имеющимся пятнам на моей одежде могу сказать, какую ты носила. Что ни дай, все заляпаешь.

– Нельзя быть такой злопамятной, – расфилософствовалась она.

– Нельзя быть такой неаккуратной.

– А сама-то недавно вернулась с пятном на груди от болоньезе!

– Это другое. Оно само, – скромно кашлянув, смутилась я.

– Это называется двойные стандарты, – обвинила Алиска меня.

– Ты сегодня не с той ноги встала? Целый день занудничаешь и портишь людям настроение.

– Наверное, будет дождь, – пожаловалась она, – Голова болит.

– Тебе метеорологом работать надо. Что ни прогноз – все мимо.

– Язва, – надулась подружка.

– С тобой ни то, что язву – инфаркт заработаешь.

– Я тебя тоже люблю, – улыбнулась она.

Такие перепалки у нас были в порядке вещей. Это не значит, что мы ссорились, просто так общались. По крайней мере, я тоже искренне любила Алису и была рада, что она есть в моей жизни. Без нее было бы пусто и тоскливо.

– Все, мне пора идти. Демьян ждет внизу.

– Иди-иди, – улыбнулась Алиска, – Я оставлю для тебя окно открытым.

– Спасибо.

Ночью придется, как всегда, забираться по стене здания, чтобы попасть в комнату. Хорошо еще, что внизу был невысокий вход в подвал, а чуть выше удобно располагались трубы и сразу наш подоконник. Ух, сколько я штанов на коленках порвала, пока приноровилась залезать.

Здание-то на ночь закрывают!

Раньше у нас с Дёмой были ключи от замка, но потом Жанна Алексеевна повесила большой амбарный замок с цепью, который изнутри уже не закрыть, а оставлять следы своих вылазок нам не хотелось. Вот и стали лазить в окна.

Глава 9

– Ты чудесно выглядишь, – с восхищением встретил меня Демьян.

Сам он облачился в черные джинсы, черную футболку и легкую кожанку, которую невероятно любил и лелеял. Он надевал ее только по особым случаям и ни в коем случае не в дождь!

– Ты тоже. Если на тебя надеть черный плащ вместо кожаной куртки, дать в руки трость, то будешь вылитым аристократом.

– Ты мне льстишь, – усмехнулся он.

– Немного.

Я лучезарно улыбалась и не скрывала своего нетерпения.

– Куда мы идем?

– Тебе понравится.

– В ресторан?

– Холодно, – сверкнул глазами Дёмка.

– На набережную? – там был красивый вид и круглосуточно работала шашлычная.

– Холодно.

– Ну не в музей же?

Было у нас и такое здание в городе, правда, сколько себя помню, оно всегда находилось на реставрации. Поговаривают, там уже все экспонаты растащили на сувениры.

– Не в музей, – подтвердил Демьян и взял меня за руку.

– Моя фантазия иссякла. Колись давай.

– Еще одна тебе попытка, – расщедрился парень и задорно улыбнулся.

– Это как-то связано с едой?

Сама не знаю почему, но все мои идеи крутились вокруг ужина. Наверное, потому, что я была голодная.

– И почему я не удивлен? – тихо рассмеялся Демьян.

– Я – растущий организм! Мне требуются углероды, жиры и белки в виде всяких вкусностей.

– Углеводы, – машинально поправил парень.

– И они тоже, – важно согласилась, чем вызвала у Демьяна новый приступ смеха.

– Я удивлен, как с таким аппетитом, у тебя фигура балерины. Плохо, значит, я тебя кормлю, – посетовал он.

– Алиска говорит, что я – ведьма, раз ем и не толстею.

– Дура твоя Алиска.

Демьяну почему-то никогда не нравилась моя подруга. Он называл ее крыской-лариской и всегда предупреждал, чтобы я с ней особо не откровенничала, а еще лучше вообще не дружила.

– А ты знаешь, что в средние века инквизиторы сжигали ведьм по первому подозрению в колдовстве?

– Знаю, – кивнул он и скосил глаза.

За столько лет парень уже догадывался, что я спрошу дальше…

– А вот, если бы ты был инквизитором, а я ведьмой, ты бы сжег меня? – затаив дыхание, спросила у него.

Ну ничего не могу с собой поделать и каждый раз спрашиваю у Дёмки всякую любовную ерунду. Словно во мне сидит маленький капризный ребенок и заставляет задавать эти идиотские вопросы. Демьян об этом знал и с пониманием относился к подобным чудачествам.

– Я был бы первым инквизитором, который украл понравившуюся ему ведьму, и женился на ней.

Я широко улыбнулась, ощущая в груди приятное тепло от его ответа.

Тем временем мы медленно шагали в центр города и продолжали мило переговариваться.

Где-то через полчаса меня осенило.

– Дёма! Ты ведешь меня в ДК*?!

(*ДК – Дом Культуры. В маленьких городах это и концертный зал, и клуб, и кинотеатр с баром)

– Угадала.

– А что там будет? Дискотека?

– Концерт.

Демьян до последнего не хотел раскрывать свой сюрприз, но меня уже было не остановить. Я насела на него со всем пылом, хотя через пять минут могла увидеть афишу на здании.

– Вот ты пристала, – пожаловался он, – Сейчас увидишь!

– Где?

– Смотри!

Он развернул меня в сторону ДК, и я громко взвизгнула, издалека увидев афишу.

В наше захолустье, наконец-то, приехала моя и Дёмина любимая группа «Многоточие».

– Ты серьезно? Божечки, я так рада, – от счастья и радостного возбуждения меня аж потряхивало, – Но что они забыли в нашем городе? Тут едва наберется десяток человек их аудитории.

– Это ты зря, – усмехнулся Демьян, – Смотри сколько народа. Поприезжали из соседних областей аж.

Он был прав. Около входа толпилась очередь из двух сотен человек точно. Мелькнули даже знакомые детдомовские лица. Вся парковка рядом с ДК была заставлена машинами, а некоторые припозднившиеся кружили вокруг площади в поисках свободного местечка.

– Так много людей, – протянула я, – И такая очередь. Мы же ничего не увидим на сцене.

– У нас вип-места на балконе, где столики, – снисходительно пояснил Демьян, – Пойдем.

Он повел меня в очередь, где я не замолкала ни на минуту.

* * *

«То, ради чего стоит быть в этом мире,
Через боль переступая – это жизнь и свобода.
То, что дано каждому из нас,
У каждого есть свой шанс – это жизнь и свобода»

Музыка со сцены гремела, а я мерно раскачивалась в такт в объятиях Демьяна. Наши места были на небольшом балкончике со столами, но и там было место, где можно потанцевать перед ограждением.

Отсюда любимая группа видна, как на ладони.

Я с жадностью разглядывала музыкантов и солиста, чувствуя, как по коже бегут мурашки.

«Что стоит эта ночь без сна?
Что стоит этот день без мечты,
Что стоит одиночество без конца
И жизнь без любви… »

Музыка пронзала меня насквозь, оставляя вибрацию в груди. Ребята выкладывались по-полной, даря благодарным слушателям частичку себя.

Публика в ДК собралась настолько разношерстной, что я с удивлением подметила, что тут есть и такие же, как мы, подростки, и взрослые респектабельные на вид дядьки со своими спутницами.

«Сквозь боль и слезы, в руке сжимая ломтик хлеба,
Прошли вдвоем сквозь детство, ненавидя небо.
Нас было двое, как два щенка в огромном мире,
Знали только, как украсть, да так, чтобы не посадили.»

Демьян обнимал меня, но при этом погрузился в легкий транс и покачивал головой, неслышно напевая знакомые нам строки.

«Жизнь идет вперед – каждый что-то в ней найдет.
И ты выберешь свой путь, когда-нибуууудь…»

Иногда я поглядывала по сторонам и с удовольствием подмечала, как собравшиеся на концерте в запале выкрикивали слова песен и поддерживали артистов своим свистом и аплодисментами. Это радовало. Было приятно видеть, что кто-то помимо нас с Дёмой нашел в их песнях нечто родное, цепляющее за душу.

«Я помню наш последний вечер, наш последний разговор.
По телу твоему скользит последний мой взор.
Твое белье на полу, ты абсолютно нага,
Ты прижимаешься ко мне, в последний раз ты моя»

Когда до конца выступления оставалось еще пару песен, я почувствовала на себе настойчивый взгляд чьих-то глаз. Он скользил по коже и словно оставлял после себя липкий след.

Я сильнее прижалась к Демьяну, в поисках защиты.

– Устала? – прошептал он мне на ухо.

– Что? Нет, конечно! Я в восторге и полна сил!

– После концерта посидишь в баре минут десять? Я увидел знакомых кентов, хочу переговорить с ними, – Демьян говорил серьезно и чуть хмурился.

– Что-то серьезное?

– Мелочь. Потом расскажу.

«А ты сидела рядом, меня гладила рукой,
И тихо говорила «Я всегда буду с тобой».
И тебе почему-то я верил, хотя знал, что все проходит!
Но влюбленные глаза не видят того, что происходит!»

Чей-то взгляд становился все настойчивее, и я даже вздрогнула.

Было жутко неприятно, потому что я не видела того, кто сверлил глазами мою скромную персону.

Сразу возникли мысли, что в толпе есть кто-то, кого мы с Демьяном ограбили, и теперь нас узнали. Не хотелось бы подобной встречи… особенно в такой приятный вечер!

«В жизни так бывает,
Что любовь приходит вновь!
Только, пламя догорает,
И не льется в венах кровь!»

Теперь я полностью отвлеклась от концерта и стала крутить головой в поисках таинственного наглеца. Прямо напротив нашего балкона располагалась такая же ложа, где народ облокотился о перила и с восторгом подпевал Руставели.

И тут я увидела его.

Светлая замшевая куртка, поло с логотипом известной компании и белые джинсы.

На меня в упор, не мигая, смотрел Родионов Матвей, у которого я свистнула бумажник и навороченный мобильный.

– Черт тебя возьми… А ты-то здесь откуда? – выдохнула я и отшатнулась на грудь Демьяну.

– Что такое? – он мигом среагировал на мое состояние.

– Ничего, – подумав, я решила, что не стоит пока рассказывать Демьяну о случайной встрече, а то будет потом бубнеть и попрекать меня впопыхах принятым решением. А он будет, это я знала точно.

«Да, так бывает! Любовь умирает.
Но вроде бы манит опять. Манит!
И непонятно, куда же ушло все тепло.
Холод в глазах, ветер в словах…»

Матвей смотрел, не отводя смеющихся глаз, и многозначительно улыбался, заметив, что его внимание было обнаружено. Какой нахал! И улыбка у него дурацкая.

Черт, черт, черт!

Лучше свалить прямо сейчас.

* * *

И все же я решительно дождалась окончания выступления. Не хотелось из-за какого-то хмыря портить настроение Демьяну и прерывать его сюрприз.

Когда музыканты тепло попрощались с пришедшими на концерт, большая часть людей ломанулась сразу к выходу. Среди них был и мой «потерпевший» в светло-песочной замшевой куртяхе.

В голове бились тревожные мысли одна страшнее другой, но я старательно себя успокаивала. Ведь этот Матвей и так знал, где мы живем, но наряд милиции не появился по наши души ни в тот день, ни в последующие. Значит, он не захотел поднимать лишний шум тогда, и вряд ли захочет это сделать сейчас. Но кто знает, что у богатенького Буратино в голове?

Было особо досадно, что он испортил мне такой вечер. Что этот блондин вообще делает на концерте группы, исполняющей провокационные уличные песни?

Мы подождали, пока основная масса людей схлынет, а позже Демьян оставил меня в кафе на первом этаже. Сам он отошел к своим приятелям – троим парням весьма подозрительного вида. Я не могла их припомнить среди наших, значит, это кто-то из новых знакомых Дёмы.

Мне они не понравились.

Было в них что-то зверское и предостерегающее держаться подальше. Синие татуировки на руках, отрешенный пустой взгляд и нездоровая бледность. Какие дела могут быть у Демьяна с ними?

Холод прошелся по спине, когда один из трех парней в упор уставился на меня через плечо Дёмы. Его взгляд не выражал абсолютно ничего, кроме пугающей пустоты. Он был похож либо на хладнокровного убийцу, либо на наркомана со стажем.

Демьян вовремя заметил интерес своего знакомого и подвинулся так, чтобы загородить меня от них. Через пару минут он увел всех троих на улицу, и я могла немного наблюдать за ними через стеклянную витрину кафе.

– Ну и дружки у твоего приятели, – внезапно раздалось над самым ухом.

От неожиданности я подпрыгнула на стуле, а мне на плечо легла мужская ладонь.

Оглянувшись, я чертыхнулась.

Позади стоял Матвей и крайне заинтересованно меня разглядывал. Любопытный взгляд темно-зеленых глаз с прищуром… и никакого ощущения липкости, как казалось во время концерта.

Кстати, синяка под глазом не было.

– Привет, – улыбнулся он.

– Пока, – брякнула я и поморщилась от своей глупости.

– Это самый короткий диалог с девушкой в моей жизни, – рассмеялся Матвей.

– Поздравляю. Все когда-нибудь происходит впервые.

– Я присяду?

– Конечно, – я кивнула и решительно поднялась с места, намереваясь уйти из кафе.

– Вероника, стой!

Матвей удивился моему порыву, а я удивилась, что он знает мое имя. И стояли мы смотрели друг на друга… удивленно!

Первой, как ни странно, отмерла я.

– Слушай, если ты прицепился ко мне из-за денег, то отстань. Нет их больше.

Парень лишь пожал плечами, выражая, что его это не особо интересует.

– На что потратила?

– На мечту о светлом будущем, – эк я художественно обозвала нашу нычку.

– Мечты это святое, – все так же улыбаясь, кивнул Матвей.

– Если ты переживаешь за свои пластиковые карты, то смирись. Я выбросила их в помойку, – маятно вздохнув, сказала ему.

– Забей. Я их давно восстановил.

Тогда что тебе от меня нужно? Неужели, подошел просто поздороваться?

Парень похлопал себя по карману белых джинс, где у него чуть выпирал бумажник, а я внезапно разозлилась. Ну какой идиот носит кошелек в кармане штанов? Это же равносильно, что повесить на себя табличку: «Я лох. Ограбь меня». Преподать ему что ли еще один урок? Нет, слишком уж он странный.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Серьезно? Думаешь, это было проблемой узнать? Малышня, кстати, отзывалась о тебе с большим уважением.

– Уши им надеру! А ты шпионил, значит.., – протянула я.

– Проводил разведку боем, – растянул глупую улыбку он.

– Еще скажи, что сидел в засаде, – съязвила я.

– Очень верно подмечено, – продолжал дурашничать Матвей, – И бой был, и засада.

– Хватит поясничать. И вообще, мне пора. Мой парень ждет меня на улице, – я вспылила и резко развернулась на каблуках, надеясь, что уйду хоть в этот раз.

– Не торопись.

Матвей подался вперед и вцепился в мою руку, стоя почти вплотную. От него пахло чем-то очень вкусным и явно дорогим. Я не встречала таких запахов в парфюмерных магазинах.

– Отпусти!

Дернула рукой, и он нехотя выпустил меня.

– Твой парень еще занят со своими дружками. Не думаю, что им стоит видеть тебя. Он правильно сделал, что увел их на улицу.

– Тебе-то какое дело? – я выглянула в окно и увидела, что Дёма еще разговаривает с троицей. Градус их беседы явно накалился.

– Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. А эти типы на вид полные отморозки, – отрезал Матвей.

– Тоже мне, нашелся эксперт по отморозкам, – презрительно скривилась я.

– Не эксперт, но глаза у меня есть и голова неплохо работает, чтобы сообразить, что от таких типов нужно держаться подальше молодой девушке.

– Тогда сообрази своей головой, что это тебе нужно держаться подальше от меня.

Этот пустой разговор злил меня, но любопытство и интерес перевешивали. В чем-то Матвей был занятным парнем.

– В этом вопросе моя голова с тобой не согласна, – умилительно скривился он, – Она настаивает на продолжении знакомства.

– Глупая голова. Наверное, Демьян приложил тебя чуть сильнее, чем следовало, – равнодушно пожала плечами я.

– Я могу взять реванш, – пылко заявил Матвей.

– Ну точно… повредил Дёма тебе кумпол, – с наигранной жалостью протянула, скрывая улыбку.

Матвей бросил взгляд в окно и немного занервничал.

– Слушай, дай свой номер телефона?

Признаться, он ошарашил меня этой просьбой. Вот еще! Во-первых, у меня не было телефона. Во-вторых, даже, если бы и был, ни за что не дала бы!

– Не дам, – отрезала так сурово, что парень удивленно приподнял бровь.

– А я сам узнаю твой номер!

– Вперед и с песней, – расхохоталась я.

– Или у тебя нет сотового телефона? – догадался он.

– И что? Я теперь не человек, что ли, раз у меня нет этого бесполезного куска пластика?!

– Я не имел ничего подобного, Ника.

Он растерялся ненадолго и зашарил по своему карману.

– Не называй меня так! – рявкнула на него.

Почему же он меня так злит? Хочется аж поколотить его!

– У тебя остался мой Blackberry? – Матвей вытащил из кармана несколько сим-карт и выбрал одну из них.

– Разобрали на запчасти и давно продали.

– Врешь. Еще сегодня утром телефон был в сети, и я по карте видел, что его никуда не перемещали, – без промедления возразил он.

Он прав. Его телефон с блестящим белым корпусом валялся в верхнем ящике моей тумбочки.

Зато теперь я поняла, как он нас нашел. В телефоне стоит отслеживающая программа… Я думала такое только в кино бывает.

На будущее нужно быть аккуратнее, а то так легко попасться.

– Возьми вот эту симку, я только купил ее здесь – она чистая. Заряди мой телефон и пользуйся им спокойно, – парень протянул маленький кусочек пластика в руке, но я оттолкнула его ладонь.

– Я не собираюсь с тобой созваниваться, разве это не понятно?

– А мы и не будем созваниваться, – спокойно проговорил он.

– Зачем тогда…?

– Мы будем переписываться по смс, – лукаво улыбнулся Матвей, – И еще… кажется, тебе пора идти.

Я выглянула в окно и увидела, что Демьян на прощание жмет руки троице. Хорошо, что обошлось без драки…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.